

Алексей А. Романчук (Кишинев, Молдова).
Варяго-Русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны (полная версия).

А. Г. Кузьмину, Л. С. Клейну, В. Б. Вилинбахову, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельниковой, О. Н. Трубачеву и В. В. Фомину – с огромным уважением.

Данная статья представляет собой полный вариант текста, опубликованного в журнале 'Stratum plus' (Романчук 2013). Страница на сайте издательства: http://e-anthropology.com/Katalog/Istoria/STM_DWL_f3IP_tIL2XqfJ7PeY.aspx

Варяго-русский вопрос сегодня переживает новый этап острейшей дискуссии. И, признаться, особое впечатление производят те бурные эмоции, что сопровождают дискуссию с обеих сторон.

В этой ситуации, возможно, будет бесполезен взгляд извне, взгляд человека, который с равным уважением относится к обеим сторонам. И, как будто, не имеет причин быть пристрастным в чью-либо пользу (во всяком случае, вряд ли есть основания объяснять мою позицию «русским патриотизмом»).

Некоторые соображения по проблеме мне уже случилось высказать ранее (Романчук 2012: 346-349). Развивая их, начну с того, что если ранее «давняя мысль об участии балтийских славян в колонизации северо-западных районов Руси обычно опиралась на лингвистический и этнографический материал» (Кузьмин 2004: 582), то сегодня уже и археологически совершенно очевиден факт не просто очень тесного взаимодействия Юго-Западной Балтики и Руси в раннем средневековье, но и, пожалуй, - ПРИОРИТЕТНОГО взаимодействия.

В работах А. Г. Кузьмина (Кузьмин 2003: 300-309) и особенно В. В. Фомина (Фомин 2005: 422-459; Фомин 2010; Фомин 2010а) представлен весьма подробный и (подчеркну!) – адекватный и точный анализ археологических данных в пользу этого вывода. Приводить их здесь нет возможности, и отмечу лишь, что факт ПРИОРИТЕТНОГО взаимодействия Юго-Западной Балтики и Руси следует из данных (а часто – и выводов) тех исследователей, кого никак нельзя отнести к антинорманистам (Гайдуков, Носов, Янссон 1993: 119; Горюнова 1991: 47; Горюнова, Плохов 2011; Курбатов 2006: 68-69; Курбатов 2011: 185; Львова 2003: 152; Носов 1997: 277; Носов, Хвоцинская 2007: 6; Потин 1968: 62-63; Рыбина 1997; Рябинин, Дубашинский 2002: 202; Седов 1978: 64; Смирнова 1974; Янин 2008: 22).¹

¹ Поскольку между норманистами и антинорманистами зачастую нет согласия даже в том, кого считать норманистом, а кого – нет, вынужден остановиться и на этом вопросе. На мой взгляд, при всем разнообразии мнений и нюансов позиций, совершенно четким критерием здесь служит ответ на вопрос: «были ли летописные варяги скандинавами?». Те, кто отвечает на этот вопрос положительно, со всей очевидностью должны определяться как норманисты. Поэтому, полагаю, что А. Г. Кузьмин (2003: 53) совершенно прав, определяя того же И. П. Шаскольского как норманиста. Больше было скандинавов или меньше – это уже спор, которые разделяет разные течения норманизма. Думаю, это на самом деле достаточно ясно и Л. С. Клейну, вопреки его попыткам записать И. П. Шаскольского в антинорманисты. И, когда Л. С. Клейн пишет: «кто сейчас отрицает, что варяги – норманны? ... тогда из ленинградцев только В. Б. Вилинбахов в своих работах придерживался архаичного мнения, что варяги – не скандинавы, а балтийские славяне; то же мнение поддерживали москвичи А. Г. Кузьмин и В. В. Похлебкин; остальные антинорманисты поголовно признавали варягов норманнами» (Клейн 2009: 123), он фактически подтверждает вывод А. Г. Кузьмина: в советской как неофициальной, так и официальной науке господствовал именно норманизм. Так что, как раз А. Г. Кузьмин и В. Б. Вилинбахов в этой ситуации оказывались в полном одиночестве, и вынуждены были противостоять как неофициальным норманистам, так и официальным. И, кстати, А. Г. Кузьмин писал, что «с 70-х гг. ... в академической среде антинорманистам становится все труднее изложить свое видение проблемы» (Кузьмин 2003: 53).

Особого внимания заслуживает, что это ПРИОРИТЕТНОЕ взаимодействие проявляется и в керамике (Фомин 2005: 452), в том числе лепной (а также переходной от лепной к раннегончарной) - наиболее надежном этноиндикаторе.²

² Что касается лепной керамики, имеющей значение в данном контексте, или керамики т. н. «ладожского типа» (далее – КЛТ) - для которой характерно наличие «четко выраженного перелома, часто ребра ... в верхней трети сосуда» (Плохов 2002: 144), то, хотя вопросов здесь действительно еще много, но и скепсис ряда исследователей в отношении ее связи с западнославянской керамикой междуречья Одера и Эльбы (Сениченкова 2012: 36) представляется чрезмерным. Поскольку вопрос очень важен, позволю себе обширное отступление по этому поводу.

Прежде всего, лукаво сегодня выглядят замечания о том, что для КЛТ «аналогии ... известны довольно широко, есть они и в Скандинавии» (Сениченкова 2012: 35). Поскольку, как тут же указывает сама Т. Б. Сениченкова, в Скандинавии они известны «в небольшом количестве». А на самом деле – ничтожном, в общей сложности не насчитывающем и двадцати пяти экземпляров (Плохов 2002: 145; Горюнова, Плохов 2011: 275), и ожидать сколь-нибудь существенного прироста находок не приходится. В Скандинавии эта керамика очевидно не местная по происхождению – и именно так ее и рассматривала Д. Селлинг. Поэтому, справедливо отмечает А. В. Плохов, высказанная недавно Н. И. Петровым идея о скандинавском происхождении КЛТ лишена каких-либо оснований. И, продолжает он, «в настоящее время западнославянский вариант выглядит наиболее вероятным» (Плохов 2002: 152).

Да, западнославянские аналоги КЛТ относятся к раннегончарной керамике; отличия есть и в декоре.

Однако, «сходство одновременных керамических комплексов двух регионов [т. е., керамики ладожского типа и западнославянской низовьев Одера и Эльбы – А. Р.] несомненно» (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 79). И, стоит добавить, что и Д. Селлинг, в поисках аналогий находкам с территории Скандинавии, обнаруживала таковые именно в лепной керамике Юго-Запада Балтики (Плохов 2002: 145).

К тому же, если иметь в виду, что «ребристость» (основной определяющий признак КЛТ) для Эльбско-Одерского региона характеризует, насколько я могу судить, прежде всего торновскую (и гросс-раденскую) керамику, то существенно важно, что для междуречья Эльбы-Одера наблюдалось и влияние торновской гончарной керамики на лепную суково-дзедзицкую и пражско-корчакскую. Это привело к возникновению т. н. псевдоменкендорфской (лепной же) керамики, которая изготавливалась вплоть до начала IX в. включительно. А в некоторых местах лепные подражания торновской керамике изготавливаются и позже, но приобретают уже совсем «торновский облик» (Седов 2002: 466).

Надо полагать, что подобная модель по крайней мере теоретически приложима и к объяснению генезиса КЛТ (особенно учитывая факт наличия на Северо-Западе и керамики, переходной от лепной к раннегончарной). Тем более - в условиях очевидного интенсивного и весьма раннего взаимодействия Юго-Запада Балтики и Северо-Запада Руси, вырисовывающегося по многим другим категориям археологических находок (смотрите ссылки выше). В частности, возникающее в середине VIII в. рядом с Ладогой Любшанское городище (обнаруженный на нем керамический материал этого времени аналогичен керамике Ладоги (Рябинин, Дубашинский 2002: 199)), судя по фортификационной технологии, очевидно было основано, как указывают исследователи, «популяцией, связанной по происхождению с западными славянами» (Рябинин, Дубашинский 2002: 203; также: Лебедев 2005: 461).

В пользу южнобалтийского объяснения генезиса КЛТ склоняет и ее пространственное распределение. Хотя аналогии ей известны и относительно широко (все же куда уже, чем можно подумать, опираясь на формулировку Т. Б. Сениченковой), но очерчивается своего рода остров, где КЛТ являет собой доминирующий вид (от 40% до 50% и более) – Поволховье и Северное Приильменье (и где, если отвлечься от находок в Удомельском Поозерье, эта керамика является самой ранней; в Ладоге – с середины VIII в., в Верхнем Поволховье и бассейне р. Мсты – с IX в., в бассейне Шелони, верховьях Луги и на Мологе – с конца IX в. (Плохов 2002: 144)). Вне этой зоны процент КЛТ даже на Северо-Западе резко убывает (в частности, уже в Южном Приильменье ее мало или вовсе нет (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 77)).

То есть, вектор убывания доли КЛТ на памятниках Северо-Запада ориентирован с севера на юг. И, при этом даже такой радикальный норманист (надеюсь, понятно, что ничего «ругательного» я в этой формулировке не подразумеваю), как Г. С. Лебедев, в одной из последних своих работ пришел к выводу: «последние археологические данные позволяют допустить начальное появление славян именно в низовьях Волхова, что заставляет вспомнить гипотезу В. Б. Вилинбахова о «морском» пути расселения славян из юго-западной Балтики» (Лебедев 2001: 54; также: Лебедев 2005: 477).

Следует далее отметить, что здесь располагалось и ядро территории новгородских словен, и для конца I тыс. н. э. принадлежность КЛТ приильменским славянам несомненна (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 81). Факт этот имеет куда большее значение, чем это обычно полагают – из него следует, что, поскольку КЛТ является резко доминирующей (более 50%, напомним) разновидностью керамики новгородских словен, то и та этническая группа, которая изначально являлась носителем этой традиции; сыграла решающую роль в генезисе новгородских словен. Соответственно, при всей исходной полиэтничности возникающего нового этноса новгородских словен и различных впитанных им субстратах, очевидно, что таким, доминирующим компонентом могли быть только славяне – откуда бы они не пришли.

Поэтому, попытки Т. Б. Сениченковой и И. В. Ислановой вывести КЛТ из такой, по их собственному мнению – неславянской культуры, как Поздне-Дьяковская, уже в силу этого обстоятельства вызывают очень серьезные сомнения. И, поскольку мы видим, что в памятниках Удомельского типа керамика, схожая с КЛТ, составляет всего 11%; 28% же составляет керамика, восходящая к дьяковским прототипам, 31% – бочонковидные горшки, которые И. В. Исланова сопоставляет с Банцеровщиной и Корчаком, и т.д. (Исланова 1993), то очевидно, что керамика, рассматриваемая ими (и В. В. Седовым (2002: 369)) как возможный прототип КЛТ, является периферийной в памятниках Удомельского типа – и сама нуждается в объяснении. Удивляющие же И. В. Исланову преимущественно западнобалтские аналогии металлическим изделиям с памятников Удомельского типа располагают, как справедливо отмечал В. В. Седов (1996: 246), к принятию высказанной им гипотезы о западном происхождении по крайней мере части оставившего их населения.

Тем не менее, идея Т. Б. Сениченковой и И. В. Ислановой о восточноевропейском генезисе КЛТ тоже весьма любопытна и заслуживает очень серьезного внимания. Однако анализ ее, как мне представляется, приводит нас к выводу, достаточно отличному от предлагаемого ими.

Начну с того, что, согласно наиболее, по мнению самой И. В. Ислановой, заслуживающей внимания концепции - Е. А. Шмидта, позднедьяковская культура представляет собой «продукт слияния дьяковских и балтских элементов» (цит. по: Исланова 2008: 48). Для последнего периода позднедьяковской культуры источником этих балтских элементов стала в первую очередь Мощинская культура: «керамический набор представлен посудой группы 5, т.н. керамикой мощинского круга» (Исланова 2008: 46). Группа 5 – сосуды с «наибольшим расширением в верхней трети, с .. коротким плечом (в том числе с уступом или скругленным уступом)» (Исланова 2008: 35). К набору керамики мощинского круга возможно относятся, по ее мнению, и некоторые сосуды группы 10 – сосуды с «расположенным в верхней трети хорошо выраженным или скругленным ребром» (Исланова 2008: 36).

Принципиально важный момент: именно «ребристость» является одной из очень характерных особенностей керамики Мощинской культуры (Исланова 2008: 195-196, рис. 155-156). И именно Мощинская культура стала одним из основных источников традиции «ребристой керамики для позднедьяковской. Причем, как видно, в позднедьяковской культуре эта традиция «ребристости» уже несколько затухает, что отмечает и сама И. В. Исланова: на городище Отмичи нет «т. н. ранних мощинских форм – ребристых с цилиндрическим верхом» (Исланова 2008: 46).

Аргументируемый И. В. Ислановой «балтский импульс» для позднедьяковской культуры вполне убедителен – и подкрепляется и анализом гидронимики (причем, помимо цитируемых ею работ В. В. Седова и В. Н. Топорова можно добавить и весьма основательные исследования Ю. В. Откупщикова). Мощинская культура также с полным основанием была атрибутирована В. В. Седовым (2000: 75) балтам – а именно, летописной голяди, которая происхождением связана, очевидно, с западнобалтскими галиндами (что было поддержано и другими исследователями (Агеева 2009: 240; Мачинский, Кулешов 2004: 46)). Причем, стоит отметить, именно с Мощинской культурой попытались связать традицию новгородских сопок П. Н. Третьяков и Е. Н. Носов (Седов 2002: 371). В. В. Седов, справедливо, на мой взгляд, отвергнув эту идею, все же тоже предположил, что идея сопок была воспринята от балтов – отдельные группы которых мигрировавшие из Эльбско-Одерского междуречья предки ильменских словен увлекли в своем движении (Седов 1995: 245; 2002: 371).

Согласно выводам лингвистов, по данным гидронимики можно говорить о ярко выраженной «балтийскости» новгородской территории – на значительной ее части топонимические балтизмы по количеству и надежности трактовок обыкновенно преобладают (иногда в несколько раз) над топонимическими финнизмами; «в бассейнах Полю, Ловати, Шелони, Плюссы и во всей прибрежной зоне оз. Ильмень водные названия с однозначно финскими соответствиями настолько редки, что по количеству не идут ни в какое сравнение с балтизмами» (Васильев 2007). Причем, и «все новгородско-псковские водные названия с широкими, «транс-европейскими» соответствиями (лингвистически – древнеевропейскими) находят большинство параллелей именно в балтийском ареале, имеют балтийскую окраску в фонетике и словообразовании и так или иначе должны рассматриваться в балтийской этноисторической перспективе» (Васильев 2009: 263). Так что, В. Л. Васильев (2009: 278) приходит в итоге к выводу, что основная часть этого древнеевропейского слоя новгородско-псковской гидронимики была принесена балтами, сохраняема ими же и затем передана славянскому населению.

И, наконец, совсем недавно С. Л. Санкина обосновала идею, согласно которой раннее население Новгородской земли очень близко к балтам - в первую очередь более грацильным ятвягам, пруссам и селам (и заметно отличается от балтийских славян) (Санкина 2000: 66). Идея эта, с определенными коррективами, была позже поддержана и развита большим коллективом исследователей (Балановская и др. 2011: 52).

На проблеме антропологических данных я остановлюсь чуть ниже, пока же можно сказать, что очевидно логичным представляется рассмотреть, как обстоят дела с традицией ребристой керамики в балтской среде. В этой связи наше внимание привлекает в первую очередь такая, практически единодушно атрибутируемая исследователями балтам культура, как культура Штрихованной керамики (Егорейченко 2006: 115; Медведев 1996: 61). Именно для культуры поздней Штрихованной керамики (далее – КПШК) характерна резко выраженная традиция ребристой керамики – причем как раз с расположением ребра (на которое приходится

и максимальное расширение) в верхней трети высоты сосудов (Егорейченко 2006: 75). «Наиболее отчетливо, а точнее резко, ребро прослеживается на горшках из Юго-Восточной Литвы» (Егорейченко 2006: 76). В северной же части ареала КПШК (Северо-Восточная Литва, Юго-Восточная Латвия, Северо-Западная Беларусь) ребро достаточно невыразительно, сглажено. В Центральной Беларуси представлены как формы с ярко выраженным ребром, так и со сглаженным.

Морфологическое сходство керамики КПШК (Егорейченко 2006: 173, таб. 42) и КЛТ (Сениченкова 2012: 36, рис.2) даже визуально хорошо заметно – хотя, разумеется, для каких-либо определенных выводов необходимо отдельное исследование.

И, носители КПШК, как полагает основная масса исследователей, были вытеснены культурой восточнолитовских курганов, лишь частично приняв участие в генезисе последней (Егорейченко 2006: 115). Все вышесказанное, однако (хочу подчеркнуть), следует рассматривать лишь как аргументацию в пользу уместности включения в поле анализа в связи с традицией «ребристой керамики» материалов КПШК – но никак не более. Поскольку, даже не прибегая к детальному сопоставлению керамики КПШК и КЛТ, мы видим ряд сложностей, которые желательнее было бы предварительно преодолеть. В первую очередь, разумеется – хронологический разрыв.

Так, согласно Н. В. Лопатину и А. Г. Фурасьеву, для Верхнего Поднепровья и Подвинья в I тыс. н. э. выделяется ряд стилистических групп, отражающих каждая определенную керамическую традицию. В том числе стиль I – позднештриховочный «классический», как они его обозначают, представляет собой «горшки с ребром в верхней трети высоты» (Лопатин, Фурасьев 2007: 23). Однако он в основном инороден для рассматриваемого ими круга памятников Заозерье-Узмень.

Впрочем, ими также выделяется и стиль IX, который представлен типом 10 («сосуды с высоко расположенным крутым плечиком ...»), и в который, по их мнению, включается и КЛТ (насколько это так – не берусь судить): «несколько особняком располагается массив ребристой керамики ладожского типа, но непреодолимых рубежей с вышеописанными формами у него, кажется, нет» (Лопатин, Фурасьев 2007: 41).

Он характерен для Верхнего Поднепровья и Подвинья, Северо-Запада, а также Поочья и Верхневолжья. Но, хронологически тип 10 относится ими также к VIII-X вв. (когда становится доминирующим на этих территориях). Для более раннего же времени, по их мнению, можно лишь предположительно отметить несколько соотносимых с ним экземпляров. Поэтому, рассуждая о генезисе типа 10, Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев хотя и высказывают мнение, что типологическая цепочка для него может быть прослежена и в рассмотренных ими материалах, но все же склоняются к мысли, что «вероятно, имели место культурные импульсы извне» (Лопатин, Фурасьев 2007: 103).

Кроме того, антропологи (Санкина 2000: 56; Балановская и др. 2011: 52), говоря о родстве балтов и новгородцев, склонны объяснять это не прямым участием балтов в генезисе новгородцев, а общим для них субстратом (хотя, насколько могу судить, полученные ими результаты не исключают и интерпретации в смысле собственно балтского субстрата). Гидронимика же свидетельствует, что «балтийские топонимы имеют показательное ареальное распределение вдоль ильменского побережья. Они почти все (!) группируются на юго-восточном и восточном побережье Ильменя» (Васильев 2007). То есть, ареал основной концентрации балтизмов на Северо-Западе как раз не совпадает с ареалом основной концентрации и доминирования КЛТ.

Причем, согласно В. Л. Васильеву, распределение балтизмов свидетельствует, что их проникновение шло от озера Селигер по р. Поле и ее притокам на Ильмень, и далее по его восточному побережью – что, понятно, тоже отнюдь не в пользу версии КПШК.

Да и, наконец, предложенный выше аргумент «основного компонента»: не могут быть «на входе» балты, а «на выходе» – славяне.

Правда, Д. А. Мачинским была предложена идея славянской принадлежности КПШК и ее соотнесения с венедами – что было поддержано рядом петербургских археологов, в частности Г. С. Лебедевым (Егорейченко 2006: 116-117). Однако, необходимо согласиться с А. А. Егорейченко, что венеда (равно как, замечу, и славянская – не ставя знак равенства между венеда и славянским) атрибуция КПШК Д. А. Мачинским практически голословна. И, как бы ни трактовать в лингвистическом плане соотношение балтов и славян – в духе О. Н. Трубачева (решительно отвергавшего идею «превращения» балтов в славян (2003: 18-22)) или В. Н. Топорова (предложившего возникновение протославянского языка из южных, периферийных диалектов первоначального балтийского (западнобалтийского) ареала (Топоров 1988; Агеева 2009: 241)), КПШК, располагаясь отнюдь не на южной периферии балтских диалектов, не подпадает и под объяснение в ключе идей В. Н. Топорова.

Впрочем, имея в виду роль западных импульсов в генезисе КПШК (Егорейченко 2006: 115), и исходя из представлений тех исследователей (О. Н. Трубачев, В. В. Седов), которые видят славян среди носителей провинциально-римских культур Средней Европы – в частности, Пшеворской, можно было бы ре-интерпретировать идею Д. А. Мачинского. И рассматривать КПШК не как изначально славянскую, но как подвергающуюся под действием этих западных импульсов своего рода «предславянизации» (если позволительно будет ввести такой термин). И, в таком качестве действительно, возможно хоть отчасти связанную с венедами (не ставя при этом знак равенства между венедами и славянами) – поскольку, в

Причем, «только западнославянским мастерам удалось оказать существенное влияние на гончарное производство Новгородской земли» (Горюнова, Плохов 2011: 273).

Следует отметить, что масштаб этого южнобалтийского влияния признают даже те исследователи, которые (парадоксально) пытаются отрицать его значимость в контексте варяго-русского вопроса: «западнославянские гончарные традиции оказали влияние не только на Новгородскую землю, но и на другие территории Балтийского региона, включая и скандинавское общество. Например, керамические коллекции шведской Бирки (IX-X вв.) и Сигтуны (конец X - начало XI в.) обнаруживают существенные западнославянские влияния. ... славянская керамика первоначально появляется в Дании случайно, в единичных экземплярах, с конца же X в. распространяется повсеместно» (Мурашева 2009: 179).

Да, распространение раннегончарной западнославянской керамики вполне могло быть связано с ее привлекательностью (фельдбергскую керамику иногда именуют «мейсенским фарфором средневековья» (Херманн 1986: 26)). Но, для Северо-Запада Руси (и, надо думать, и для некоторых других территорий Балтики) речь явно идет именно о переселении достаточно значительных групп населения с Юго-Запада Балтики, из «больших городищ в районах Мекленбурга и Бранденбурга» начиная с середины IX в. (Горюнова, Плохов 2011: 271).

И, даже если рассматривать распространение западнославянской раннегончарной керамики как отражение социально-экономических изменений в Балтийском регионе в это время, то очевидно, что весьма значительную, если не решающую, роль в них играли сами южнобалтийские славяне – заимствование скандинавами ряда славянских слов, связанных с торговой деятельностью и морским делом, в частности: *‘лодья’*, *‘торг’* (Фомин 2009: 115), действительно не допускает иной интерпретации.

Хотел бы также обратить внимание, что одна из рассматриваемых в данном контексте разновидностей южнобалтийской раннегончарной керамики – торновская (она, кстати, представлена «в Северной Руси только на одном памятнике – в Городке на Ловати» (Горюнова, Плохов 2011: 266); впрочем, некоторые исследователи указывают на ее присутствие и в Пскове (Молчанова 2007: 36), но, видимо, речь идет о репликах торновского типа или торновско-менкендорфских гибридах (Горюнова, Плохов 2011:

любом случае *венды* в Юго-Восточной Прибалтике, фиксируясь еще даже в XIII в., являются историческим фактом (Топоров 1988: 10; Седов 1995: 174-182).

Но, в довершение всего, и традиция ребристой керамики в самой КПШК к концу ее существования постепенно пригасает: «Наиболее выразительные их формы бытовали в период расцвета культуры штрихованной керамики, т. е. в I—III вв. н. э. С течением времени они претерпевали существенные изменения: утрачивалась наиболее характерная их черта — ребристость. Ребро постепенно сглаживалось, а затем и полностью исчезло» (Митрофанов 1978: 32).

Поэтому в этой ситуации для нас наиболее интересен и продуктивен на самом деле другой вопрос – вопрос об истоках традиции ребристой керамики в самой КПШК.

Ведь, как оказывается, А. А. Лухтан, с которым солидаризуется и А. А. Егорейченко, полагают, что феномен ребристой керамики в КПШК возникает под влиянием латенских традиций: «именно латенская культура дала толчок распространению ребристой посуды в ряде латенизированных, а затем провинциально-римских культур Центральной и Восточной Европы, которые в свою очередь оказали ошутимое влияние на КПШК» (Егорейченко 2006: 115). В принципе, сходной является и позиции В. Ушинскаса (1989: 63-64).

Таким образом, все вышеизложенное, на мой взгляд, хоть и не исключает возможности восхождения КЛТ в конечном итоге к традициям КПШК – как наиболее подходящего из восточноевропейских кандидатов, но склоняет все же в пользу мысли о новом, непосредственном импульсе традиций ребристой керамики из Средней Европы, синхронном с проникновением на Северо-Запад славян. И, скорее всего - каких-то их новых групп, уже в VIII в. Учитывая же отсутствие для этого времени следов заметных перемещений населения в этой части Славии (и соседних балтских землях) – на что обращал внимание В. В. Седов, и учитывая ряд других археологических свидетельств, упомянутых выше, именно морской путь проникновения новых славянских групп на Северо-Запад, и именно южнобалтийские славяне представляются, на мой взгляд, наиболее предпочтительным вариантом.

Впрочем, если даже это окажется не так, это никак не скажется на ситуации с раннегончарной керамикой южнобалтийского происхождения.

269)) происходит, собственно говоря, не с Юго-Запада Балтики. А из сербо-лужицких земель (Седов 1995: 139; Седов 2002: 463). То есть, региона, достаточно удаленного от побережья Балтики, и ни о каком посредничестве скандинавов здесь говорить уж никак не приходится.

Две из гончарных традиций Юго-Запада Балтики дали на новгородской почве местные производные – типы III и V (в Новгороде они составляют до 10-11%; достаточно часты и в Пскове). Первый из них восходит к традициям Фрезендорф («основным регионом распространения фрезендорфской керамики является остров Рюген, поэтому немецкие археологи рассматривают ее как этноопределяющий элемент племени ранов» (Седов 1995: 56; 2002: 340)); второй – к гросс-раденской керамике (Горюнова, Плохов 2011: 271). Гросс-Раден – расположен на порубежье ободритов и вильцев, в районе Шверина.

То есть, у нас есть два достаточно узких, конкретных региона на Юго-Западе Балтики, в наибольшей степени повлиявших на новгородскую гончарную традицию. Причем один из них – это именно Рюген, который традиционно занимает в южнобалтийской гипотезе особое, «почетное» место. Вторая же традиция, гросс-раденская, по мнению Т Кемпке генетически восходит к формам германской керамики эпохи великого переселения, и связана с тем германским этническим субстратом, который характерен для славян Юго-Запада Балтики (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 86-87). Последний момент, как увидим ниже, весьма важен – поэтому я его здесь особо и подчеркнул.³

С другой стороны, как показал минералогический анализ – большая часть южнобалтийской керамики Бирки была произведена в другом месте, отнюдь не в Бирке (Херрманн 1986: 369, прим. 39).

Поэтому, попытки отрицать значимость этих фактов (Мурашева 2009: 179; Петрухин, Каменецкая 2008: 79) нельзя признать удачными. То, что влияние славян Юго-Западной Балтики ощущалось и в Скандинавии, как раз служит аргументом в пользу «южнобалтийской» гипотезы (Фомин 2005: 440-445; Фомин 2009: 115-116). Южнодатские острова являлись областью славянского расселения (Либготт 1986: 143), у балтийских славян «в X в. были убежища даже на берегу Скании (южной оконечности Швеции) ...» (Гильфердинг 1855: 33), а северо-западная Ютландия именовалась «*Wendsysel*, то есть селение вендов» (Гильфердинг 1855: 66). Наконец, скандинавскими же исследователями предполагается присутствие (и даже, видимо, доминирование в определенное время) южнобалтийских славян на Эланде («позднеславянская керамика как будто преобладает на Эланде» (Херрманн 1986: 369, прим. 40)), Готланде и Борнхольме (Фомин 2010: 406-444).⁴

³ Впрочем, генетическая связь с германской средой эпохи великого переселения народов характерна и для торновской керамики (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 87, прим.4).

⁴ И, добавлю, примечательно здесь и возникновение самого именованя Руси как *Garðar* (Города). Ведь, после убедительной работы Т. Н. Джаксон (2001: 56), фактически показавшей правоту Ф. А. Брауна и Е. А. Рыздзевской – что скандинавское *Garðar* стало реакцией на славянское «град» (и безусловно, что если для нас «городской» статус славянских «градов» под вопросом, то для людей той эпохи эти протогородские центры были именно городами – и они часто самим названием четко отличали их от рядовых поселений), все же остается вопрос: почему это имя возникло применительно к Руси – на синхронном и более раннем фоне поражающей своими городами воображение современников (в том числе – скандинавов) Юго-Западной Балтики (причем Волин именуется Адамом Бременским «величайшим из всех городов, которыми располагает Европа» (Херрманн 1986: 76))? Где, к тому же, компонент *-grad/gard* (и фонетически значительно более близкий к скандинавскому *garðr*, нежели восточнославянское *город*) часто встречается в названиях протогородских центров (Стариград в земле вагров; Велиград в земле ободритов).

Не произошла ли в данном случае миграция топонима с запада на восток, по *Austrvegr* – Восточному пути? Как мне представляется, это предположение заслуживает внимания, особенно если учесть, что «двойственно положение *Вендланда* (земли *вендов* — прибалтийских славян), вероятно, потому, что он лежит к югу от Скандинавского полуострова, рядом с «ножной» Данией, но при этом *венды* традиционно входят в число «людей, живущих по Восточному пути» (Джаксон 1996: 26), тогда как «даны и саксы не входили, по представлениям того времени, в число «жителей Восточного пути» (Джаксон 2001: 47). *Austrvegr* же в ранних королевских сагах становится обозначением именно Руси (с использованием формул типа: «Яритлав, конунг Восточного пути» (Джаксон 2001: 45).

Южнобалтийские славяне проникали и в Нордальбингию (которую на короткое время Карл Великий вообще отдал во владение Дражко, князю ободритов), и даже во Фрисландию – где вильцами был основан Вильтабург-Утрехт (и где они «жили в ладу с фризами») (Гильфердинг 1855: 66-69).

Все это важно отметить, поскольку и А. Г. Кузьмин, и В. В. Фомин неоднократно подчеркивали, что миграционный поток с Юго-Запада Балтики на Русь был полиэтничным, и вместе с южнобалтийскими славянами в миграции «из варяг» весьма активно участвовали, в частности, и *фризы* (Кузьмин 2003: 305; Фомин 2005: 443). И действительно, участие фризов в этом процессе (и вообще их присутствие на Балтике в ранний период) явно было куда значительнее, чем обычно себе представляют. Так, «монеты Фрисландии ... нигде не встречаются в таком количестве, как на Руси», концентрируясь также в Южной Прибалтике (Потин 1968: 63). К *фризам* восходит и ряд других находок: керамика типа Таттинг (Горюнова, Плохов 2011: 264), ранние гребенки Старой Ладogi (Давидан 1968: 58-62) – и, думаю, здесь нет необходимости подозревать чье-то посредничество (ср.: Херрман 1986: 116). Погребальный обряд могильника Плакун (где представлена керамика Таттинг, а также славянская южнобалтийская; заклепки ладьи из Плакуна ближе к южнобалтийским (Клейн 2009: 219)) отражает специфический обряд «датско-франкского пограничья» (Горюнова, Плохов 2011: 264; Фомин 2005: 458). Да и скандинавские равноплечные фибулы «сформировались под влиянием западных фибул фризских торговых центров района устья Рейна» (Гайдуков, Носов, Янссон 1993: 119).

Более того, О. Н. Трубачев весьма убедительно связал этимологию этнонима *прусы* именно с *фризами*, настаивая на «признании вероятности более широкого западногерманского характера искомого источника балтийского **Prūsai*» (Трубачев 2005: 13-14; «формально наиболее точное соответствие корню **prus-* было указано в 1965 г. О. Н. Трубачевым, привлечшим к объяснению протогерманское **Frūsa*Frūsja ...*» (Топоров 2006: 52)). И указывал вообще на «ранние следы западных германцев, в частности ингвеонов, на восточных и юго-восточных берегах Балтики», а также на латышское название эстонцев – «*igauni* как отражение германского *Ing(u)aeveones* (мысль В. М. Иллича-Свитыча)» (последнее весьма любопытно коррелирует с гипотезой А. Г. Кузьмина (2003: 291) по поводу *Сааремаа-Хольмгарда* и *Роталии-Русии*; примечательно и то, что в прибалтийско-финской мифологии бог грома и молнии именуется Тоора, и в его культе усматривают влияние германо-скандинавского бога Тора (Айхенвальд 1992: 485); особенно популярен культ Тоора был именно на Сааремаа).⁵

В качестве еще одного аргумента О. Н. Трубачев обращал внимание, что балтские топонимы на *-sedja* обнаруживают близость именно с западногерманскими на *-setja*. Причем «сходство герм. *-setja* и балт. *-sedja* очевидно с первого взгляда и при более внимательной проверке оказывается полным» (Трубачев 2004: 18). Добавим сюда и прусское *витинг* – восходящее именно к древнефризской форме (Фасмер 1986: 323).

Археологически улавливаются связи пруссов и с землями по среднему течению Рейна, района современного Майнца и Франкфурта-на-Майне: «особое внимание следует обратить на конские захоронения, сопровождающие останки меровингской элиты франков и знатных воинов ранней фазы прусской культуры. Поразительны аналогии между обрядами этих социальных групп...» (Кулаков 2003-2004: 365).⁶

⁵ Следует ли в контексте вопроса об ингвеонах в Восточной Прибалтике рассматривать и Ингрию-Ижору?

⁶ В возникающей около середины VI в., на основе местного западнобалтского компонента и пришлого германского, Западноазурской культуре выделяется группа пальчатых фибул, которые тоже «имеют аналогии исключительно в германских землях бассейна Рейна» (Седов 1995: 173). Заметим, что с другой стороны, на Среднем Рейне еще с меровингских времен фиксируется феномен т.н. «майнских венедов» (Трубачев 2003: 391-403). По мнению Х. Кунстманна и Х. Якоба, в верхнем течении Майна, там, где в него впадает Регнитц, находилось ядро государства Само (Седов 1995: 132). В него вошли и сербы, возглавляемые князем Дерваном; распад государства Само очевидно вызвал и подвижки населения. У Менцина же, в землях вильцев в низовьях р. Пеене, на Балтику выходил торговый путь, который шел через

Впрочем, и сами пруссы были весьма активным участником движения «из варяг» на восток: в V-VI вв. «мощное влияние прусской культуры» испытывают и Борнхольм, и Готланд (Кулаков 1999: 149). Что привело «многих скандинавских специалистов к выводу о наличии в V – VIII вв. групп балтского населения на островах центральной части акватории Балтийского моря». По мнению В. И. Кулакова, проникают пруссы и в Финский залив, и вплоть до Старой Ладого, где обнаруживаются погребения, которые «по деталям погребального обряда и по инвентарю ... находят полные аналогии в прусских древностях конца VII века».

И, кстати, нелишним будет вспомнить, что этноним пруссы, как давно было замечено, отразился «в названии главной улицы Людина поселка - Прусской» (Янин, Алешковский 1971: 43); тогда же была впервые (кажется) высказана идея о том, что названия трех первичных концов Новгорода были образованы от этнонимов – по основным участникам складывающейся новой общности: в частности, Неревский от мери (что позже было развито Д. А. Мачинским).⁷

Хорошей иллюстрацией ситуации служит также следующий вывод: «весь регион Балто-Скандии распадается на два субрегиона: «скандинавский» (Дания, Норвегия, Швеция) и «балтийский» (Восточная Пруссия, Прибалтика, Финляндия, Борнхольм, Эланд, Готланд) ... перед нами – картина несомненной экспансии фибул на протяжении V- VI вв. по Балтике из района устья Вислы и Пруссии на север вплоть до таежной Финляндии и Причудья» (Шувалов 2004: 81-82).

Таким образом, судя по археологическим данным, приоритетность взаимодействия Юго-Запада Балтики и Северо-Запада будущей Руси возникает еще, по крайней мере, в V-VI вв., и устойчиво продолжается и вплоть до IX-XI вв. включительно. И, эта картина, вытекающая из археологических данных, безусловно, четко коррелирует с основными постулатами и выводами южнобалтийской гипотезы происхождения варягов и руси.⁸

Разумеется, остается еще много вопросов, которые нуждаются в прояснении. В том числе и касательно такого, ключевого вопроса, как происхождение новгородцев от южнобалтийских славян.

Как известно, еще И. В. Первольф (1877: 37-97), откликнувшись на выход книги С. А. Геденова, выступил с сокрушительной и очень убедительной критикой этой идеи. И, кстати, В. В. Фомин, если он знакомился с работой И. В. Первольфа, совершенно напрасно об этом умолчал (во всяком случае, насколько я могу судить). Умолчание, выборочное внимание к историографии – это уход от дискуссии, и, следовательно – путь к поражению. Впрочем, справедливости ради замечу, что современные норманнисты грешат этим не в меньшей, если не большей степени.

Последнее же двадцатилетие ознаменовалось не только революционными работами А. А. Зализняка (1988), на новом уровне аргументировавшего западнославянское происхождение древненовгородского диалекта, но также и не менее зубодробительной

регион Хафеля-Эльбы (т. е. ареал Торновской и Рюсенской культур) как раз от Среднего Рейна (Херрманн 1986а: 347).

⁷ В западнобалтской среде, на мой взгляд, следует искать и истоки *колбягов* (Романчук 2012: 346-348).

⁸ Со своей стороны, хочу обратить внимание на факт, который, кажется, не привлекал еще внимания. А. В. Назаренко рассмотрел весьма оригинальный династический строй Рюриковичей. Он вполне убедительно характеризует его как «братское совладение, *согрус fratrum*», и отмечает «удивительную типологическую близость династических порядков на Руси X-XII вв. и во Франкской державе VI-IX столетий» (Назаренко 2008: 136). Думается, что, как в свете приводимых самим А. В. Назаренко параллелей, так и ряда фактов, изложенных выше (а также и чуть далее), близость эта является отнюдь не только (или даже не столько) типологической. Ей, на мой взгляд, соответствует и следующий из «Правды англо-верингов, или тюрингов» факт вхождения части варингов, обитавших в регионе Тюрингии, в состав державы франков (причем, как известно, эта «Правда» демонстрирует особую близость именно к «Рипуарской Правде»). Склонен я сопоставлять с этим и известные сообщения о «руси от рода франков».

Но самое интересное, что именно *согрус fratrum*, по всей видимости, был характерен и для славян Рюгена. Как указывает Н. А. Ганина (2011: 36), «основы княжеской власти на Рюгене были своеобразными: иногда могли править два брата вместе, иногда – отец и сын».

критикой его гипотезы со стороны О. Н. Трубачева, В. Б. Крысько и Х. Шустер-Шевца. В результате этой критики А. А. Зализняк (2004) сосредоточил свое внимание на аргументации идеи о праславянском уровне обособления древненовгородского диалекта и его последующем вхождении в восточнославянскую общность – но уже совершенно не касается вопроса о его западнославянском происхождении. А основная масса лингвистов (насколько я могу судить) заняла позицию следующего рода: «Анализ ... не подтверждает, на наш взгляд, преждевременных выводов ни о западнославянском генезисе древненовгородского диалекта, ни об особом западнославянско-новгородском (западнославянско-севернокривичском) родстве. На современном этапе исследований более надежно пока констатировать только повышенную степень архаичности древненовгородских говоров» (Васильев 2005: 13).

С другой стороны, недавно и физическая антропология, пересмотрев уже ставшие классическими выводы Т. И. Алексеевой, тоже, и вполне убедительно, усомнилась в западнославянском происхождении новгородцев (Санкина 2000).

Вся эта критика, безусловно, нуждается в ответе и рассмотрении в контексте варяго-русского вопроса. Поэтому, изложу свое видение ситуации.

Прежде всего, на мой взгляд, южнобалтийская гипотеза абсолютно безболезненно может отказаться от идеи западнославянского происхождения новгородцев – ограничившись тем, вполне бесспорным с точки зрения археологических данных (как, надеюсь, мне удалось показать) фактом, что по меньшей мере с середины IX в. (заметим – времени предполагаемого призвания Рюрика и варягов) устанавливается очевидное ПРИОРИТЕТНОЕ взаимодействие Юго-Запада Балтики и Руси. А на самом деле, даже если отставить в сторону происхождение керамики ладожского типа, рубеж начала такого взаимодействия вполне надежно может быть удревнен и до середины VIII в.

Поэтому, даже оставив пока без обсуждения вопрос о более раннем, нежели середина VIII в. времени (хотя и для него такое взаимодействие очевидно – но, допустим, вопрос в том, насколько оно связано со славянами), южнобалтийская гипотеза вполне уверенно может утверждать о реальности южнобалтийского адстрата для ильменских словен – пусть количественно и не очень значительного (как и предлагал еще В. Б. Вилинбахов (1980: 80)), а потому трудно уловимого как лингвистикой, так и физической антропологией. Что, собственно говоря, хорошо соответствует и летописному известию о происхождении новгородцев «от рода варяжска, **преже бо беша словене**» [выделено мной – А. Р.].

Тем не менее, позволю себе вкратце высказать и некоторые суждения как по поводу дискуссии между А. А. Зализняком и его оппонентами, так и касательно интерпретации результатов С. Л. Санкиной.

Начну с того, что ключевым в критике гипотезы А. А. Зализняка является тезис его оппонентов: «вполне естественно, что группа племен, зашедших в своих миграциях особенно далеко, составила периферию восточного славянства, так сказать, "медвежий угол", в котором сохранялась - иногда параллельно с другими восточнославянскими диалектами, иногда обособленно - значительная часть праславянских архаизмов и развивались - как на их основе, так и независимо от них, порой, может быть, под влиянием контактирующих автохтонных языков - собственные инновации. ... Таким образом, наиболее периферийным, архаичным и вместе с тем инновативным восточнославянским диалектом может быть признан древненовгородский (новгородско-псковский) диалект» (Крысько 1998: 87-88).

Однако, сам О. Н. Трубачев (2003: 15-17) во многих своих работах защищал три принципиальных тезиса (с которыми, в принципе, современная лингвистика полностью согласна): методологическая некорректность идеи ограниченной прародины; изначальность диалектного членения (с принятием идеи о «диалектно сложном древнем языке славян с сильно развитым диалектным словарем»); язык есть интеграция.

Отталкиваясь от этих трех постулатов, мы должны поставить вопрос: достаточным ли является объяснение отличий новгородского диалекта его периферийностью? Тем более,

что если говорить о периферийности, то припятские болота или мещерские леса, пожалуй, куда большая периферия, нежели Великий Новгород, располагавшийся с самого начала на скрещении как минимум двух оживленнейших международных торговых путей. Да и финский и балтский субстраты (о которых говорит В. Б. Крысько (1998: 88) как об одной из возможных причин высокой инновативности новгородского диалекта) характерны для большей части восточнославянского ареала.

В свое время О. Н. Трубачев, рассматривая разницу (21 против 9) в степени проявленности праславянских лексических диалектизмов в двух, расположенных рядом языках (и, заметим, не менее периферийных, нежели новгородский диалект) – нижнелужицком и верхнелужицком, писал: «мы склоны видеть в этом больше, нежели простую случайность» (Трубачев 1963: 172). И продолжил: «древние диалектные рубежи в лексике ... очевидно, вполне годятся как объективное средство при изучении языковых отношений, многократно перекрытых и сглаженных позднейшими напластованиями. На совершенно ином материале мы приходим к концепции Штибера о так называемом «пралужицком языке»: язык пралужицкий никогда не существовал».

Почему же этот подход не может быть приложен и к предполагаемому правосточнославянскому языку?

Еще существеннее другое. О. Н. Трубачев, возражая против родства древних новгородцев и лехитов, высказал замечание: «... общие архаизмы в языке у тех и у других с научной точки зрения не могут служить для этого достаточным резонансом, каким в случае совместных языковых переживаний могли бы быть только **общие новообразования**. А таковых как раз не имеется, и это показательно» (Трубачев 2005: 15).

Однако, Х. Шустер-Шевц еще лет тридцать назад писал в связи с сербо-лужицкими языками: «Тенденция к упрощению консонантных сочетаний *dl, tl > /*, ... , которые с такой же последовательностью реализуются только в севернорусских диалектах (*жсерегло, перецокл*). При этом бросается в глаза, что общей чертой обоих славянских диалектов является тоже одинаковое совпадение праслав. *с и *с... Возможности существования связи между нижнелужицким диалектным изменением *dl, tl > / gl, kl* и соответствующим севернорусским явлением не опровергает и тот факт, что такое же изменение известно среднесловацкому и в определенной степени даже кашубскому языку» (Шустер-Шевц 1976: 75).

В своей же критической статье он признает: «... бесспорно, что (древне)русские диалекты Пскова и Новгорода представляли собой особую северозападнорусскую диалектную группу, отличавшуюся рядом языковых особенностей, неизвестных прочим русским (восточнославянским) диалектам» (Шустер-Шевц 1998: 8). И называет восемь отличающих эти диалекты «позднепраславянских инноваций» - которые также известны именно в серболужицких, полабском, польском, в некоторых случаях еще и в словацком, чешском, болгарском и македонском языках (в том числе речь идет и о «так называемом "цокании" (известном также в нижнелужицком, полабском и польском)» (Шустер-Шевц 1998: 8). В итоге, Х. Шустер-Шевц заключает: «Названные выше диалектные особенности древнесевернорусского диалекта Пскова и Новгорода, отличные от собственно восточнославянского (причем речь идет не только о более поздних типологических соответствиях), объяснимы, по нашему мнению, только таким образом, что лежащие в их основе праславянские диалекты-предшественники находились в рамках славянской прародины в диалектной зоне, в которой, наряду с диалектами-предшественниками позднейшего восточнославянского, участвовали также диалекты-предшественники лехитского (особенно восточнолехитского), серболужицкого, а также частично - позднейшего южнославянского».(Шустер-Шевц 1998: 9).

Лингвистам судить, насколько корректен этот перечень инноваций, и точно определен круг аналогий. Замечу лишь, что перечень новгородско-псковских инноваций В. Б. Крысько (1998: 83) в значительной степени совпадает с перечнем Х. Шустер-Шевца (ср. также, с иной интерпретацией некоторых из них: Зализняк 2004: 39 -57).

Насколько, однако, правильна предложенная Х. Шустер-Шевцем объяснительная модель? Начнем с того, что по историческим и археологическим данным для лужицких сербов мы совершенно точно знаем, что генезис их был сложным, многокомпонентным, и с участием представителей как лехитской группы, так и группы, родственной сербам (Седов 2002: 462-472). В VI в. по Эльбе обитали представители Пражско-Корчакской культуры, по Одру – Суково-Дзедзицкой. В VII в. в регионе Хафель-Шпрее и смежных областях по Одру расселяются носители Торновской культуры (с юго-востока, с территории Силезии), но прежние насельники продолжают обитать здесь же. Славяне Торновской группы надежно отождествляются с лужичанами.

В междуречье Эльбы и Заале, примыкающем к Торновской группе с юго-запада, в начале VII в. появляются, тоже с юга (по всей видимости, из западной части Среднего Подунавья и Приальпийской зоны), носители Рюсенской культуры – надежно идентифицируемые с сорбами/сербам.

Поэтому, очевидно, что южнославянские и одновременно лехитские сближения сербо-лужицких языков объясняются не тем, где и с кем соседнили их праславянские диалекты-предшественники в рамках праславянской прародины. А уже позднейшим смешением изначально относительно далеких компонентов..

И на самом деле эта модель типична для этногенеза практически всех славянских народов. А. А. Зализняк (отмечая, что «для южнославянской и западнославянской ветвей отсутствие соответствующих монологичных праязыков установлено уже достаточно давно») совершенно справедливо указывает: «В течение длительного времени славянские племена с их племенными говорами образовывали этноязыковой континуум, который в силу многочисленных миграций неоднократно подвергался перемешиванию; одни общности распались и возникали другие. Следом этой длительной эпохи миграций являются многообразные перекрестные связи, которые, как известно, обнаруживаются практически для любой пары современных славянских языков, причем свободно пересекают границы таких относительно поздних общностей, как южно-, западно- и восточнославянская» (2004: 57).

Проблема в том, что, признавая (и настаивая на нем) справедливость тезиса «язык есть интеграция», признавая перемешивание и миграции (и даже «факт сосуществования разных этносов внутри праславянского ареала», вообще «смешанный характер заселения древней Европы» (Трубачев 2003: 15); более того, здесь же он указывает: «отдельность этноса не исключала его дисперсности, а для древней поры просто обязательно предполагала ее»), О. Н. Трубачев не хочет принять эти принципы как для восточнославянской общности в целом, так и для отдельных восточнославянских народов. Между тем, у нас есть недвусмысленное указание летописи о происхождении радимичей и вятичей «от ляхов» - и игнорировать его, считать незначимым мы не можем.

Рядом с радимичами и вятичами размещаются *северяне-северы* – славянский этнос очень неясного генезиса (некоторые недавние соображения: Романчук, Цвигун 2013), которым есть четкая пара в виде *северов* на Нижнем Дунае, вошедших в состав формирующегося славянского народа болгар. Далее, южнобалтийские вильцы-лютичи (о которых ПВЛ четко указывает «... ляхове друзии лутичи», помяная их среди прочих «ляхов») очевидно родственны уличам-ультинам, жившим на Днепре и Днестре (Рабинович 2001-2002: 286). В отношении соседних (и чересполосно в Поднестровье обитавших) с уличами тиверцев, выдвинута вполне, на мой взгляд, убедительная гипотеза, связывающая их появление в Поднестровье с миграцией около середины IX в. с Западных Балкан, где они упоминаются ранее как тервуныяне (Рабинович 2011). Для VIII в., как результат гибели государства авар, постулируется масштабный отток славянского населения из Среднего Подунавья, следы которого проявляются затем в значительной части как Восточной, так и Центральной Европы (Седов 1995: 134; Рябцева 2005-2009: 357-359).

Думаю, уже в свете этих фактов становится ясно, что нет ничего удивительного в факте, на который обращают внимание критики, и в первую очередь В. Б. Крысько:

проявленности некоторых лехитских параллелей новгородского диалекта, хоть и в меньшей степени, в других восточнославянских диалектах (Крысько 1998: 83). Особенно если учесть и более поздние перемещения населения уже собственно внутри восточнославянского ареала.

При соотнесении с археологическим и историческим данными здесь обнаруживаются закономерности. И здесь приобретает значение прежде всего «количественное» выражение, степень проявленности той или иной инновации (или архаизма – не следует недооценивать и их) в различных зонах восточнославянского ареала – а не просто ее следы. Именно такой подход, и соотнесение полученных результатов с известной историко-археологической ситуацией позволит, на мой взгляд, получить более адекватные объяснительные модели.

Вообще, лингвисты, как мне кажется (возможно, я ошибаюсь), несколько склонны, скорее даже подсознательно, рассматривать языковые инновации в отрыве от собственно их носителей – людей. Между тем, при всем разнообразии предлагаемых лингвистами вариантов верхней даты позднеобщеславянского периода, они все же не опускаются ниже VIII в. н. э. (Бирнбаум 1986: 321-329). И, при сопоставлении с историческими данными, когда уже для VI в. фиксируются три макрогруппы славян, и их территориальное распространение от Эльбы до Дона, это тем более заставляет задуматься: насколько в этих условиях распространение языковых инноваций в позднеобщеславянском периоде было возможно без миграций достаточно крупных групп населения, за счет лишь контактов?

Если теперь обратиться к древненовгородскому диалекту, то в своей более ранней работе А. А. Зализняк (1988: 176), помимо объединения его с лехитскими, приходил к выводу о существовании изоглосс, объединяющих словено-сербскую зону с ильмено-словенским диалектом, и не включающих при этом диалекта Юго-Западной Руси. Не берясь судить о точности этого вывода, отмечу следующее.

Во-первых, напомним факт распространения на Северо-Западе Руси торновской керамики, и, что важнее – многочисленных подражаний ей и гибридов. То есть, традиции, происходящей из ареала группы, где как раз точно произошла встреча и смешение сербо-словенских элементов с лехитскими.⁹

Фактически к этой же зоне, отмечу в скобках, вернее, к соседней Тюрингии (а вовсе не к Вагрии), нас адресует такой, часто цитируемый в контексте варяго-русской проблемы, но, кажется, мало на деле используемый памятник, как «Законы англо-верингов, или тюрингов» (Shore 1906: 34; русский перевод и комментарии: Руссов 1824). Проникновение славян в Тюрингию было достаточно масштабным, особенно начиная с IX в. (Седов 2002: 470).

Во-вторых, сербы\сорбы проникают гораздо дальше на север, в лехитскую зону, нежели регион Хафель-Шпрее, и далее по пути «из варяг». Об этом недвусмысленно свидетельствует сообщение Ермолаевского списка Ипатьевской летописи о сербских князьях «съ кашубъ, отъ помория Варязскаго, отъ Стараго града за Кгданскомъ» (Гедеонов 2011: 100). Последняя фраза, кстати, вопреки (Петрухин, Каменецкая 2008: 78) действительно есть в Ермолаевском списке. И, здесь важно, что это сообщение коррелирует и со сведениями польских хроник (Первольф 1877: 49).

В-третьих, и сами вильцы, как уже указывалось выше, по аргументированной и получившей признание гипотезе Й. Херрманна, пришли на Юго-Запад Балтики с юга, по всей видимости из Силезии. И, В. В. Седов отмечает: «Велеты, пришедшие с юга и

⁹ Рюсенская керамика на Северо-Западе исследователями не упоминается. Но, сугубо предположительно, хотел бы все же обратить внимание, что на Рюриковом городище и в Старой Ладоге представлены гончарные сосуды с S-видной профилировкой (южная восточноевропейская традиция), но украшенные орнаментом в виде «путанной волны» (западнославянская традиция) (Горюнова, Плохов 2011: 269).. Идентификация этих гибридов исследователями не указывается. Между тем, рюсенская керамика представляет собой «одну из групп серой дунайской керамики», хорошо профилированную – профилировка S-видная или близка к ней (Седов 2002: 467, рис.97). Возможно, этот вариант уже был рассмотрен – и отвергнут исследователями, но думаю, худа не будет, если я все же на него укажу.

принесшие в восточные земли Мекленбурга фельдбергскую культуру, хотя и слились с ранее проживавшими здесь суковско-дзедзицкими славянами, в языковом отношении должны были несколько отличаться от ободритов. Весьма вероятно, что велетские говоры развивались независимо от ободритских, а эволюционировали в самостоятельный славянский язык...» (Седов 1995: 63).

Поэтому, думаю, у нас есть определенные основания считать, что сербско-словенские изоглоссы новгородского диалекта своим возникновением обязаны именно «пути из варяг».

Обращаясь теперь к работам С. Л. Санкиной, начну с того, что «погребальный обряд славянского населения Мекленбурга и Польского Поморья пока не поддается археологическому изучению. Х. Цолль-Адамикова выделяет эти земли в зону А, где на протяжении VI - X вв. существовали погребальные ритуалы, которые не фиксируются археологическими методами» (Седов 1995: 57). С другой стороны, «все наиболее ранние курганные могильники в земле балтийских славян находятся при торговых поселениях-факториях, где проживало разноэтничное население», и более того, В. В. Седов связывает само возникновение курганной обрядности на Юго-Западе Балтики со скандинавским влиянием. Впрочем, и для них была характерна кремация.

То есть, можно полагать, что в поле зрения физической антропологии не попадают на самом деле очень многие группы региона. И это же верно для Новгородской земли – где все рассмотренные серии для раннего периода не древнее XI в. (Санкина 2000: 51). Изменение погребального обряда, переход к ингумации, фактически выводит из тени группы, существовавшие на этих территории и ранее. Но для регионов, подобных Юго-Западу Балтики, где в результате завоеваний и переселений происходили очень значительные этнические трансформации, отнюдь не исключено, как отметит сама С. Л. Санкина, и серьезное изменение антропологического ландшафта. А с учетом гипотезы «адстратного» влияния со стороны Юго-Запада Балтики, в котором к тому же участвовали главным образом лишь отдельные группы из конкретных субрегионов, действительно, не исключено, что они для нас остались неуловимы.

Впрочем, в целом, вряд ли можно сомневаться в главном выводе С. Л. Санкиной – о значительной близости антропологического типа славян Юго-Запада Балтики к германцам. Но интерпретации этого вывода в контексте варяго-русского вопроса возможны и иные – на чем я остановлюсь ниже.

Таким образом, повторю еще раз высказанный выше вывод: при всех сложностях, при всех нерешенных вопросах, ПРИОРИТЕТНОЕ и очень масштабное взаимодействие Юго-Запада Балтики и Руси в раннем средневековье несомненно, а начиная как минимум с середины IX в. (скорее же – еще с середины VIII) оно очевидно связано именно со славянами Юго-Запада Балтики.

На этом фоне присутствие скандинавов на Руси, очевидно, намного менее заметно. Хотя в Приладожье и Поволховье отмечается и скандинавская керамика (в том числе, что важно – изготавливаемая и на месте), но ее находки очень редки (фактически – единичны) и не идут ни в какое сравнение с количеством западнославянской южнобалтийской (Горюнова, Плохов 2011: 261). Присутствие же скандинавских металлических изделий, как хорошо всем понятно, отнюдь не обязательно означает присутствие самих скандинавов.

Позволю себе обширную цитату, очень верно характеризующую эту, всем хорошо известную, но часто забываемую истину: «Атрибуция отдельных вещей об этническом происхождении их владельцев ничего не говорит, а свидетельствует лишь о торговых связях населения. Так, помимо скандинавских вещей, в упомянутых памятниках древних карел и вепсов найдены мечи западноевропейского происхождения, ожерелья, аналоги которым обнаружены в Византии, и византийские шелковые золотные ленты, шелковые ткани из Средней Азии, сосуды, схожие с теми, что найдены в салтово-маяцких и болгарских памятниках, восточные наременные украшения, импортируемые через Булгар. Но из этого не делают вывода о пребывании в Карелии и Присвирье западноевропейцев,

греков, арабов или болгар. Эти находки говорят лишь об оживленных торговых связях местного населения с ближними и дальними народами» (Шилов 1999: 110).

И, не следует, на мой взгляд, забывать о давнем и очень аргументированном выводе В. М. Потина: «находки западных (особенно скандинавских) вещей ... объясняются ... просто необходимостью значительной части Европы, в том числе и Скандинавских стран, расплачиваться за русское серебро. Отсюда совпадение по времени двух явлений: начала массового обращения западноевропейских денариев и заметного сокращения числа находок скандинавских вещей на территории древней Руси» (Потин 1968: 44).

Кроме того, очевидно, что скандинавские вещи могли проникать на Русь через посредничество населения Эстонии или Западной Финляндии (Носов, Хвощинская 2007: 10-14), или тех же южнобалтийских славян. Тем более, если керамика Западного Поморья сопровождает и т. н. «норманнские» погребения на Руси (Кузьмин 2003: 305; Фомин 2005: 389; Петрухин, Каменецкая 2008: 79).

Это касается даже вещей, которые, имея сакральный смысл, очевидно (точнее, как правило) не распространяются в результате торговых связей. В частности, гривен с «молоточками Тора» и погребений в ладье. По собственному замечанию Л. С. Клейна (2009: 220), Мекленбург и Гольштейн входят в область бытования гривен с «молоточками Тора». Для Юго-Запада Балтики отмечается значительное скандинавское влияние начиная с VIII в. (Херманн 1986а: 348), и В. В. Седов связывает как появление ранних курганных могильников (Менцлин, Швилубе, Ральсвик – где представлены и характерные элементы скандинавской обрядности, в том числе погребения в ладье и погребения в сложенных из камней ладьевидных могилах), так и вообще курганного обряда на Юго-Западе Балтики именно с ним (Седов 1995: 57; Седов 2002: 346).¹⁰

Поэтому, даже не принимая во внимание все рассмотренное выше, мы вправе допустить, что распространение этих скандинавских элементов на Северо-Запад Руси было не прямым, а опосредованным, через Юго-Запад Балтики (и земли пруссов).¹¹

Тем более, что, например, если говорить о происходящих из Гнездова находках «миниатюрных изображений связанных со скандинавской мифологией предметов быта и оружия, составлявших наборы амулетов», то «гнездовские находки отличаются от североевропейских древностей преобладанием изделий из железа (что имеет параллели в Финляндии и на территории Восточной Европы)» (Новикова 1991: 198).

Помимо того, еще более полувека назад было отмечено: «один их характернейших признаков норманнских погребений – обкладка основания кургана камнями в виде треугольника, креста, ладьи или четырехугольника... Если бы гнездовские или михайловские курганы были оставлены варягами [т.е. в понимании Д. А. Авдусина – скандинавами. – А. Р.], то среди большого количества насыпей непременно нашлось бы несколько с фигурной обкладкой. Однако какого-либо подобия обкладки курганов не встречено там ни разу» (Авдусин 1949: 4). В этой же статье он обращает внимания и на некоторые другие отличия погребального обряда предполагаемых скандинавских погребений Гнездова и Михайловского (в первую очередь то, что в этих могильниках, в отличие от Скандинавии, «совершенно отсутствуют сельскохозяйственные орудия, орудия ткачества; кузнечные инструменты представлены лишь единичными зубилами. Вообще, орудия труда встречаются чрезвычайно редко...») от скандинавского эталона (Авдусин 1949: 6).¹² Что, вероятно, и позволило позже Д. А. Авдусину сформулировать

¹⁰ Не думаю все же, что появление курганного обряда на Юго-Западе Балтики есть результат скандинавского влияния. В данном случае это, как мне кажется, скорее объяснение за неимением лучшего.

¹¹ И, выше уже указывалось на культ Тоора и следы ингвеонов на территории Эстонии. Ср. также: Лебедев 2005: 111.

¹² Также, он писал, что в Гнездове мы видим «железных гривны с квадратным сечением прута, весьма отличные от тонких круглопроволочных скандинавских» (Авдусин 1949: 7). Однако Г. Л. Новикова (1991: 175) ничего не пишет об этой характеристике гнездовских гривен как отличающей их от скандинавских. У меня сейчас нет возможности проверить достоверность заключения Д. А. Авдусина, но, думаю, для специалистов занимающихся именно этой проблематикой, не составит труда прояснить вопрос.

следующий вывод в отношении того же Гнездова: «своеобразный скандинавский обряд где-то уже подвергся постороннему влиянию» (Авдусин 1982: 173).

Ю. Э. Жарнов (1991: 203-206), очерчивая круг возможных этноиндикаторов для выделения скандинавских погребений в Гнездове, также ничего не говорит ни о фигурных каменных обкладках курганов, ни о присутствии орудий труда в погребениях.

Не все так просто и с обрядом погребения в ладье.

Как указывает А. Стальсберг, идентификация этого варианта погребального обряда производится на основании наличия в погребении лодейных заклепок. В Восточной Европе «погребения с заклепками найдены в четырех местах: в юго-восточном Приладожье, в Плакуне под Старой Ладогой, в Гнездове и в Большом Тимереве» (Стальсберг 1998: 278). Согласно Я. Биллю, и в Плакуне, и в Гнездове «заклепки по типу ближе к балтийским и славянским, так как стержни заклепок - четырехугольные в сечении, не круглые как в скандинавском судостроении» (Стальсберг 1998: 279-280; в прим. она указывает, что «А. Э. Кристенсен в ноябре 1995 г. нашел лодейные заклепки с четырехугольными стержнями эпохи викингов из Средней Норвегии в собраниях музея Наук при Университете в Трондхейме» - но, явно, что единичные находки картины не меняют, и сами нуждаются в объяснении). Из чего А. Стальсберг заключает, что ладьи и Плакуна и Гнездова «построены в Восточной Европе; следовательно, скандинавы не принесли свои лодки через Балтийское море». И, кстати, добавляет: «...нет погребений с заклепками южнее Гнездова ... Находки также не указывают, что скандинавы плавали дальше Тимерева по пути в Волжскую Болгарию, но **скандинавских находок вообще мало в восточном направлении от Ярославского Поволжья** [выделено мной – А. Р.;]». Прошу извинить обильное цитирование – но оно мне кажется здесь совершенно необходимым.

Что ж, то, что скандинавы могли использовать в Восточной Европе для таких целей местные суда – вполне логичное допущение. Но, если я правильно понимаю, речь идет о том, что заклепки из Плакуна и Гнездова отражают именно славянскую традицию Юго-Запада Балтики. А это уже под «местное восточноевропейское» объяснение никак не подходит.

Более того, стоит все же, на мой взгляд, задать вопрос: а в какой мере для этого времени и региона обряд погребения в ладье специфичен только скандинавам?

Начнем с того, что сама А. Стальсберг высказывает предположение, что помимо ладей, при строительстве которых использовались заклепки, для погребения могли употреблять и долбленные челны-однодеревки (вспомним известное сообщение Константина Багрянородного о моносилах): «в последние годы выяснилось, что выдолбленные и сшитые челны более распространены, чем предполагалось» (Стальсберг 1998: 278). То есть, в случае кремации использование такой ладьи в погребальном обряде археологически неуловимо.

Между тем, еще Я. Гримм писал: «в Южной Германии встречаются нередко могилы с колодами (Todtenbäume), выдолбленными из цельных стволов как челноки; с другой стороны, как северные, так и **немецкие** саги упоминают положительно о погребениях в ладье» (Анучин 1890: 74). В «Швабии и даже теперь еще гроб называется Todtenbaum» (Анучин 1890: 95).

Подобные деревянные колоды в качестве гроба использовались в Англии до X-XI вв., в Германии – еще и позднее, и Д. Н. Анучин убедительно показал, что они являлись «вариететами ладьи» (Анучин 1890: 94). Причем, в «Салической Правде» такие погребальные колоды названы *nauffus*, что очевидно связано с и.-е. названием **корабля** (Анучин 1890: 96). Здесь же Д. Н. Анучин указал, что многие исследователи сопоставляют индоевропейское название судна со славянским *навь* – мифологическим воплощением смерти. Сегодня связь славянского *навь* с общеиндоевропейским представлением о погребальной ладье общепризнанна (Иванов, Топоров 1992: 195).

То есть, общеиндоевропейское представление о погребении в ладье устойчиво сохраняется в континентальной Германии вплоть до X-XI вв. и даже позднее. В той или иной мере характерно, очевидно, было это представление и для славян, и в русских летописях упоминаются *корсты* – такие же долбленные из дерева погребальные колоды (Анучин 1890: 98). И, учитывая все вышеизложенное, мы можем по крайней мере предположить, что в дохристианском славянском погребальном обряде *корсты* точно также символизировали именно погребальную ладью. При кремации же *корсты*, как было отмечено выше, археологически неуловимы.

Впрочем, даже оставляя пока в стороне вопрос о том, насколько представления о погребальной ладье могли быть характерны и для славянского язычества, на мой взгляд: у нас действительно есть основания думать, что проявленность даже элементов скандинавского погребального обряда и вещей, имеющих сакральный статус, в том же Гнездове или Плакуне могла обуславливаться чьим-либо посредничеством. И, в первую очередь, конечно, посредничеством славян Юго-Запада Балтики.

Тем более это верно для женских украшений и фибул.

Ведь, «женская одежда скандинавов и прибалтийских финнов была очень похожа, а овальные фибулы обычно находят вместе с предметами и обрядом, характерными для местного населения» (Спиргис 2009: 36). Когда «в Скандинавии овальные фибулы исчезают... в низовьях Даугавы начинают изготавливать это излюбленное украшение ливских женщин на месте» (Спиргис 2009: 19). Аналогично, «в конце VI века даже стандартные аксессуары женского костюма в Юго-Западной Финляндии, ранее включавшие главным образом формы, развившиеся из балтских, стали копиями скандинавских» (Кальмер 1999: 154).

Поэтому, о непосредственном присутствии скандинавов на Руси эти вещи могут свидетельствовать лишь в случае их представленности в комплексах, которые и по погребальному обряду следует атрибутировать скандинавам.

Между тем, здесь все явно далеко от благополучия - если даже исследователи, которых никак нельзя отнести к антинорманистам, приходят к выводам: «древности североевропейских типов ... преимущественно интегрированы в местный этнокультурный контекст. ... Получается, что ни одно удовлетворительно документированное погребение в рассмотренных нами выше курганах не может быть названо скандинавским» (Еремеев 2005: 117). Или констатируют «фактически полное отсутствие критериев для вычленения погребений скандинавов-мужчин» (Жарнов 1991: 206).

То, что «мы не знаем, почему в скандинавских могилах на восточнославянских землях нередко оказывается по одной фибуле» (Клейн 2009: 218) – действительно имеет принципиальное значение (Фомин 2005: 387). И хотя, безусловно, плохая сохранность фибул (Жарнов 1991: 214) могла бы служить объяснением, но то, что фибулы «сочетаются с финскими шумящим подвесками», и уж тем более то, что они «находятся в погребениях по местному ритуалу» (Клейн 2009: 218) – очевидно противоречит стремлению видеть в них этноиндикаторы присутствия скандинавов.

Кстати, об этом уже давно сказала А. Стальсберг: «для признания скандинавским женского погребения в финно-угорской или балтской среде присутствия двух овальных фибул я считаю недостаточным, поскольку женщины финно-угорского и балтского происхождения могли их использовать в своем национальном костюме» (Стальсберг 1987: 74).

Принципиальное значение, полагаю, все же имеет и то, что «женщина со скандинавскими украшениями оказывалась насильственно умерщвленной» - скандинавские женщины имели высокий социальный статус. Поэтому, было бы странно, если бы они сопровождали своих мужей в могилу.¹³

¹³ Вопрос о парных погребениях и «насильственно умерщвленных женщинах» требует отдельной ремарки. Дело в том, что согласно В. Я. Петрухину, для скандинавов «А. Стальсберг отрицает обычай «сати» - добровольной смерти вдовы на похоронах мужа» (Петрухин 2011: 91). Однако, сама А. Стальсберг писала

Зато, отмечу в скобках, захоронения жен вместе с мужьями составляют характернейшую черту прусской культуры – и у пруссов резко подчиненное положение женщины даже было закреплено в «Законах Видевута» (Кулаков 2003-2004: 366). По словам В. И. Кулакова, «обычай «добровольного» восхождения вдов на погребальный костер воина доживает в Пруссии минимум до середины XIII в.». И, для славян Юго-Запада Балтики мы имеем сообщение источника VIII в. (подчеркну – VIII в.), а именно крестителя Германии Бонифация: «Винеды (т. е. Славяне), народ мерзейший и самый дурной, хранят однако же с такою верностью в супружеском союзе любовь, что жена, по смерти мужа, сама отрекается от жизни, и та между ними считается славною, которая своей рукою убьет себя, чтобы сгореть с мужем на одном костре» (Гильфердинг 1855: 41). Также следует добавить, что для балтийских славян было характерно очень суровое отношение как к детям, так и особенно – невольникам (Гильфердинг 1855: 43).

Возвращаясь к главному: более того, нас вообще должно настораживать, что самая многочисленная категория скандинавских вещей на Руси – женские фибулы (впрочем, и она, на мой взгляд, не такая уж многочисленная (Мурашева 2009: 176)). А в могильнике Плакун «большинство погребений принадлежало скандинавским женщинам» (Михайлов 2003: 155). Как и в Гнездово – где наблюдается «... крайне незначительное число мужских погребений, отнесенных к скандинавским» (Жарнов 1991: 206; Фомин 2010: 414). Ведь, отсюда возникает вопрос: так кто двигался на Русь – скандинавские воины или женщины? Нельзя не отметить в этой связи и еще одно фундаментальное теоретическое противоречие норманистов: изображение, нередко одними и теми же исследователями (для тех или иных объяснений *ad hoc* – что само по себе показательное) предполагаемых мигрантов из Скандинавии то как весьма значительной и социально неоднородной группы (что очевидно следует из признаваемой норманистами «скандинавскости» значительного числа бедных погребений Ярославского Поволжья (Клейн 2009: 166)), то – как лишь немногочисленной военной элиты (причем, как полагают в этом случае: «среди пришельцев-варягов женщин было мало» (Клейн 2009: 219)), которая очень быстро ассимилировалась на Руси (Клейн 2009: 220).

Первый вариант наталкивается на непреодолимое противоречие: широкое (а предлагаемые археологами-норманистами проценты «скандинавских» погребений на Руси (Жарнов 1991: 216; Клейн 2009: 230-231; Янссон 2001: 122) – это весьма, с точки зрения этнологии, внушительная цифра; о бесследной ассимиляции такой обширной группы не приходится и думать) присутствие скандинавов не смогло бы не отразиться достаточно широко же в языке, культуре и этнографии по крайней мере Северо-Запада Руси. Это

прямо противоположное: «обряд убийства вдовы (сати) и ее похорон с мужем, кажется, практиковался в Скандинавии в эпоху викингов, так как число парных погребений такое большое, что трудно представить себе, что муж и жена случайно умирали одновременно от болезни и т. п.» (Стальсберг 1998: 283).

Но с другой стороны, В. Я. Петрухин прав, подчеркивая высокий социальный статус знатных скандинавских женщин. А на самом деле – явно и не только знатных.

Рассматривая конкубинат по исландским сагам, А. А. Сванидзе пришел к выводу, что в случае внебрачного сожительства имело место «мирное», «личное соглашение мужчины и женщины» – без участия родственников. Более того, по сагам мы видим, как мужчина, купив себе рабыню в качестве наложницы, далее просит (!) жену «разрешить ей остаться в доме» (Сванидзе 2011: 393).

Таким образом, даже если действительно в эпоху викингов в Скандинавии имел место обычай «сати», то его возникновение, и сосуществование с привычной традицией высокого статуса женщины – само представляет собой проблему, загадку. Причем мне кажется очевидным, что «сати» – явно периферийное для Скандинавии явление (по А. Стальсберг (1998: 282), всего 8,1% погребений в ладье в Скандинавии – парные), и, умерщвлялась, скорее всего, все же не жена, а наложница, и именно рабского происхождения. То есть, это и не совсем «сати» – или совсем не «сати».

Далее, если предполагать, что возникает в Скандинавии эта традиция «псевдо-сати» именно в викингской среде, все равно остается вопрос об истоках и причинах ее появления. Апелляция к общегерманскому пласту традиции (а именно так фактически поступает В. Я. Петрухин (2011: 97)) – кажется мне недостаточной. Тем более, что здесь же и чуть ниже В. Я. Петрухин приводит весьма характерные данные о «девах щита» и «валькириях» в собственно скандинавской традиции.

было замечено еще в XIX в.: «если варяги-русь - скандинавы, норманнское начало должно отозваться в русской истории, как начало латино-германское в истории Франции, как начало германо-норманнское в истории английской. ... норманнство должно отозваться в самой жизни Руси, в ее религии, языке, праве, в народных обычаях, в действиях и образе жизни» (Геденов 2011: 8). Более того, безусловно, что достаточно многочисленная, политически доминирующая и к тому же сильно отличающаяся в языковом отношении этническая группа очень долго (на протяжении столетий – как демонстрирует, в частности, пример немцев-колонистов XVIII века в России) сохраняла бы свою самобытность. В докапиталистических же обществах, с их стремлением к натуральному хозяйству и экономической автаркии, а также отсутствием целого ряда институтов, способствующих ассимиляции - устойчивость этнических групп намного выше. Лужицкие сербы сохранили свою самобытность на протяжении более чем тысячи лет - и пример этот не единичен.

Но в случае с древнерусско-скандинавскими контактами никакого «славяно-скандинавского синтеза» (тезис о котором, тем не менее, в работах норманистов сегодня звучит как очевидный и доказанный факт), никаких следов сохраняющих свою самобытность и взаимодействующих с древнерусским населением скандинавских групп на Северо-Западе Руси как раз и не наблюдается.

Нет на Северо-Западе Руси, в том самом регионе, где сохранили свою идентичность вплоть до наших дней (!) *ижора, водь, ливвики, людики, вепсы, сету* – нет не только аналогичных групп, восходящих к предполагаемым «скандинавским колонистам». Нет даже никаких их следов, пусть хотя бы в виде ассимилируемого субстрата.

Сегодня это намного яснее, чем двести лет назад. И на самом деле - хорошо осознается и норманистами: «взаимодействие древнескандинавских и древнерусского языков осуществлялось исключительно на лексическом уровне ...» (Мельникова 2001: 72). Причем «древнерусские заимствования из древнешведского языка ... немногочисленны ... Это лишнее подтверждает тот факт, что варяги рано и быстро слились на Руси с местным населением и как бы растворились в нем как этнический элемент» (Джаксон 1999). По словам Ф. Б. Успенского (норманиста же), наблюдается «специфическая бедность ... дефицит языковых свидетельств скандинавского присутствия» на Руси (Успенский 2001: 263).¹⁴

Да и «все наименования древнерусских городов в скандинавских источниках представляют собой воспроизведение фонетического облика адекватных им иноязычных (т. е. местных) топонимов» (Джаксон 2001: 75) – скандинавских среди них нет.¹⁵

¹⁴ Парадоксальная (по принципу: «не хочу верить собственным глазам»), хоть и остроумная, и с весьма впечатляющей по масштабу проработкой источников, попытка Ф. Б. Успенского затем увидеть скандинавское влияние в русском *олух* (производя его от имени Олав) – на мой взгляд, не более чем пример «этимологической пытки» (Н. И. Надеждин, основанной исключительно на произвольном желании автора. Сам Ф. Б. Успенский (2001: 266) приводит ряд фактов, которые уже должны были удержать его от попыток связывать *олух* с антропонимом – будь-то Олав или Елевферий. Прежде всего: болгарское диалектное *залух* – «тупица», очевидно свидетельствующее о, по всей видимости, праславянском происхождении лексемы. Еще очевиднее здесь другой, неучтенный им факт: наличие слова *олух* в карпато-украинских говорах (ЕСУМ 4: 183) – где, как понятно, ни о каком культе св. Олава говорить не приходится. Наконец, мне кажется странным, что вполне осознается автором, но все же фактически игнорируется то, что объяснение имени Олух от Олав «с фонетической точки зрения ... не вполне безупречно» (Успенский 2001: 273). Я особо обращаю на это внимание, поскольку у меня возникло впечатление (впрочем, вполне возможно - ошибочное), что при анализе варяго-русского антропонимикона норманистами достаточно обычно именно проявление некоторой небрежности к «фонетической безупречности» предполагаемых трансформаций. Собственно, на эту мысль наталкивает и результат цитируемой ниже работы С. Л. Николаева (2012).

¹⁵ Возникающие и сегодня в литературе попытки увидеть скандинавское влияние в топонимах Суздаль или Изборск – попросту игнорируют историографию вопроса. В отношении Изборска весьма тщательный анализ показал: «... вопрос о возникновении топонима «Изборск» по-прежнему остается открытым. С

Впрочем, даже в Южной Карелии и Юго-Восточном Приладожье, где скандинавская колонизация предполагается почти априори, где прочно уже «прописался» известный по сагам Алаборг, со скандинавскими топонимами дела обстоят очень плохо – вернее, никак (Шилов 1999: 110-116). И, кстати, даже в «русских, карельских и вепских говорах Карелии не отмечены скандинавские заимствования, которые могли бы восходить к эпохе средневековья и быть восприняты в данном регионе» (Шилов 1999: 117).

Наконец, не следует забывать: по наиболее, на мой взгляд, взвешенной оценке А. Стальсберг (не пытающейся использовать для атрибуции скандинавам просто присутствие скандинавских вещей в погребении, и, тем паче – далекой от мысли определять количество скандинавов из сравнения процента фибул в Бирке и Гнездове с Тимеревым (Петрухин 2011: 92); подобная, предложенная И. Янссоном «методика» приводит В. Я. Петрухина даже к мысли: «подсчеты И. Янссона не отменяют поиска «славянских» могил в Гнездове и Тимереве» - оставляю это без комментария), оказывается «возможным выделить на Руси 99 скандинавских погребений» (Стальсберг 1987: 75).

Мягко говоря: немного.

Так что, как мне представляется: с первым вариантом ответа, вариантом «скандинавских колонистов на Северо-Западе Руси» - давно пора уже окончательно распрощаться (хотя даже А. Стальсберг (1987: 77) от нее все же не отказалась совсем).

Второй же вариант ответа, вариант «крайней малочисленности варягов», противоречит, во-первых, подсчетам самих археологов-норманистов (а на самом деле – лишний раз свидетельствует о сомнительности используемой ими методики подсчета; кстати, И. Янссон в итоге весьма скептически оценил эти попытки: «результат наглядно демонстрирует неопределенность при этнической интерпретации археологического материала» (Янссон 2001: 123)). Во-вторых же, что существеннее – не соответствует, на мой взгляд, и сведениям русских летописей, из которых в первую очередь следует упомянуть известное сообщение о происхождении новгородцев «от рода варяжска» (да и о том, что Рюрик с братьями «пояша по себе всю русь»).

Учтем и то, что «скандинавы на Руси принадлежат к верхушке средних слоев общества ... большинство скандинавских находок принадлежат не столь высокопоставленным лицам, в особенности, если сравнить эти находки с погребениями в Скандинавии» (Стальсберг 1987: 76). Иными словами: по своему археологическому облику эти скандинавы (еще раз позволю себе напомнить – весьма немногочисленные) в основном вполне соответствуют статусу наемника в гарнизоне того же Гнездова, но никак не тому статусу, который предлагает, в частности, В. Я. Петрухин: «высший слой русского общества – та самая «изначальная» Русь, которая составляла дружины первых русских князей» (Петрухин 2011: 91).

Итак, возникает очевидное противоречие, полностью подрывающее норманнскую теорию: варягов было много, они сыграли очень значительную роль в истории Руси – что отчетливо фиксируется письменными источниками, а вот скандинавов на Руси – мало. И деятельность их малозаметна.

Ведь, странно, на мой взгляд, сформулировать нижеследующие выводы – и потом рассуждать о значительной роли скандинавов на Руси, о скандинавском происхождении династии Рюриковичей, и о том, что «варяги – это скандинавы»: «саги, предельно внимательные к генеалогиям, не знают предков «конунга Вальдамара», и величают его «Вальдамором Старым» (ср.: «Один Старый» - прародитель скандинавских богов)» (Джаксон 2008: 203). Или: «Ф. А. Браун обратил внимание на то, что шведские источники почти полностью игнорируют русскую историю» (Мельникова 2001: 41). Хотя при этом норманнисты полагают, что «на восток большей частью отправлялись шведские викинги» (Джаксон 2012: 25).

Совершенно справедливо было многими замечено (Фомин 2005: 243): то, что Рюрик, совершивший столь грандиозное деяние, остался неизвестен сагам – факт фундаментальнейшего, принципиального значения. И он радикально противоречит норманнской теории. Ни «отсутствием шведских саг» (что, собственно говоря, и неточно: исландские саги отражают отнюдь не только исландские или норвежские реалии: «Не все песни возникли в Исландии: среди них имеются песни, восходящие к южногерманским прототипам; в "Эдде" встречаются мотивы и персонажи, знакомые по англосаксонскому эпосу; немало было, видимо, принесено из других скандинавских стран» (А. Я. Гуревич); и, «Сага об Инглингах» - наиболее очевидный пример того, что шведские дела интересовали весь скандинавский мир (особенно, ср.: «там, где теперь называется Старые Сигтуны»)), ни тем, что «сподвижники Рюрика остались на Руси и не вернулись в Скандинавию» объяснить его невозможно. Дело даже не в том - вернулись или нет (хотя, судя по сагам, типична как раз модель возвращения). А в том, что в условиях того якобы интенсивнейшего общения, которое должно было существовать между Скандинавией и Русью согласно «норманнской» теории – деяния Рюрика никак не смогли бы остаться неизвестными скандинавам.

Между тем, это произошло.

Таким образом, хотя не стоит «изгонять норманнов из русской истории», но и преувеличивать их присутствие и значение – тоже неправильно. Тем более – делать из них «каждой бочке затычку», и приписывать им посредничество в принесении вещей, которые великолепным образом могли попасть на Русь помимо них.

И особенно в ситуациях, когда как раз наличие скандинавов (точнее – их сколь-нибудь значительное присутствие) оказывается сомнительным. В том числе даже в Ладого.

В частности, показательно, в каком недоумении Т. Б. Сениченкова останавливается перед проблемой присутствия скандинавов здесь. Справедливо замечая, что «решать спорные вопросы ладожской истории, привлекая только разнородные по происхождению изделия, найденные в культурном слое, методически не совсем верно, так как их появление может быть объяснено различными причинами: присутствием выходцев из других регионов, торговыми контактами, производством на месте по привозным образцам и т.п.», она пишет: «Не отрицая присутствия скандинавов среди древнейшего населения Ладоги, считаю необходимым отметить, что археологический материал не дает основания рассматривать только этот этнический и культурный компонент в качестве древнейшего в материальной культуре поселения» (Сениченкова 2012: 38).

Суть парадокса заключается в том, что в керамике Ладоги никакого присутствия скандинавов мы не видим – но при этом, например, есть «большие дома», которые рассматривают в контексте т. н. «длинных домов», или «североевропейских домов-халле» (В. А. Назаренко; также: Кирпичников 1985: 16) и пытаются атрибутировать скандинавам («скандинавского облика "большие дома"» (Лебедев 2005: 488). Есть и «скандинавский» могильник Плакун. В результате, Т. Б. Сениченковой приходится прибегать к созданию сугубо гипотетических, умозрительных и весьма сомнительных объяснений отсутствия скандинавской керамики в Ладого.

Между тем, как давно было замечено, «длинные дома», являясь германской традицией, отнюдь не специфичны лишь скандинавам. А характерны, например, и для Фрисландии («обычный тип «длинного дома» представлен в домах Эзинге [Фрисландия – А. Р.], Феддерзен-Вирде и Айнсвардена» (Тодд 2006: гл.4; также: Лебедев 2005: 162)). Более того, мы знаем точно, что под влиянием германского субстрата традиция «больших домов» спорадически проявляется и у славян Юго-Запада Балтики (Седов 1995: 28).¹⁶

¹⁶ Ладожские «большие дома» все же отличаются от «длинных домов». И, хотя «в период раннего средневековья большие дома ... трехнефного халле (крыша опирается на ряды столбов, удлинённый план, очаг расположен в центре помещения, а когда их несколько — по длинной его оси) не исключительно финские или германские, а распространены на громадной территории от Прикамья на востоке до Рейна на западе», но «ни в Финляндии, ни в Швеции, ни в Прикамье, например, домов, подобных ладожским, пока не

И, в свете всего вышеизложенного, уместно задать вопрос: а почему мы не должны предположить в Ладогe не скандинавскую колонию, но, скажем, фризскую?

Кстати, в виде отступления: «в начале XX в. историки полагали, что Бирка основана фризами ...» (Янссон 2001: 120).¹⁷

Впрочем, чью бы колонию ни видеть в Ладогe, самое существенное то, что она в самом лучшем для норманнистов случае – то есть, если она действительно основана скандинавами, не может быть принята за нечто большее, чем она есть. А именно – более или менее полиэтничную торговую факторию (об этом, замечу, писал еще В. Б. Вилинбахов), ничем принципиально не отличающуюся от Ральсвика на Рюгене или Менцлина в устье Пеене. В отношении Ральсвика и Менцлина же, несмотря на очевидное, и пожалуй, более значительное, нежели в Ладогe, присутствие скандинавов, никому, кажется, сегодня не приходит в голову думать, что они возникают без согласия, желания и контроля со стороны местных племенных объединений вильцев и ободритов (вспомним сообщения письменных источников о наводящих ужас на датчан пиратах Рюгена и Вагрии (Гильфердинг 1855: 34-36)).

В отношении могильника Плакун – еще любопытнее. Его, уже традиционно, связывают с «южноскандинавской традицией», и видят в нем результат прихода группы скандинавов, «знакомой со специфическим погребальным обрядом датско-франкского пограничья».

Посмотрим, однако, точнее.

Итак, К. А. Михайлов, указывая на отсутствие аналогий этому обряду в Бирке, далее пишет: «все известные мне погребения в камерах с гробовищем, аналогичные плакунскому, происходят с территории Дании и Шлезвиг-Гольштейна. ... Большая часть этих захоронений сосредоточена в южной части Ютландского полуострова, в районе Хедебю. Это скопление камер является как самым компактным и многочисленным, так и самым ранним среди памятников этого типа в Дании. Большинство погребений южной группы датируются концам IX — началом или первой половиной X в. ... Вторая группа этих захоронений выделяется на севере Дании и датируется 970/971 г. (Маммен) или концом X в. (Хёрнинг)» (Михайлов 1996: 54). При этом, «погребения, по конструкции напоминающие датские камеры с гробовищем, известны у германцев и датируются VI–VIII вв. Некоторые исследователи связывают их появление у скандинавов с франкским влиянием. Так, М. Мюллер-Вилле относит эти камеры к захоронениям христианизирующейся германской аристократии и как примеры приводит погребения из могильников Моркен и Бекум ... Эта точка зрения на появление камерных гробниц в Скандинавии эпохи викингов находит подтверждение в работах М. Мюллер-Вилле и А.-С. Грёслунд. Они пишут об аналогиях скандинавским камерам в могильниках аллеманов, франков, тюрингов» (Михайлов 1996: 55).

обнаружено» (Кирпичников 1985: 7-8). Вообще, он рассматривает ладожские «большие дома» в качестве «пока не имеющих точных аналогий в Центральной и Северной Европе». Впрочем, возможно с 1985 года ситуация изменилась и такие аналогии обнаружались – у меня пока нет возможности углубиться в этот вопрос.

¹⁷Отнюдь не пытаюсь здесь аргументировать основание Бирки фризами, позволю себе еще одну ремарку. Итак, «вплоть до настоящего времени идея о значительном иностранном элементе в Бирке основывалась на археологическом материале». А именно, вблизи Бирки «существуют два крупных могильника IX-X вв. по крайней мере с 500 погребениями с трупоположением. ... могилы с трупоположением в Швеции редки и детали этого обряда ведут свое происхождение из Франкской империи, погребенные обычно считались иностранными купцами ... » (Янссон 2001: 120). Таким образом, мы с намного большим основанием можем считать Бирку – фризской, нежели Гнездово или Тимерево – скандинавскими. И контраргументы И. Янссона здесь малоубедительны – они лишь свидетельствуют, что влияние на Среднюю Швецию из континентальной Германии имело место и до IX в. Причем важно подчеркнуть: в Бирке это именно компактные могильники, что явно свидетельствует о принадлежности погребений с ингумацией некой устойчивой группе (этнической, конфессиональной или социальной – это уже отдельный вопрос). Тогда как в Тимереве и Гнездове т. н. «скандинавские» и действительно скандинавские погребения «распределялись более или менее равномерно по всему могильнику» (Янссон 2001: 123-124).

Выводы К. А. Михайлова соответствуют и современным представлениям других исследователей. Так, для Бирки, действительно «А. С. Грэслунд указывает на то, что здесь местные погребальные камеры не имеют местных прототипов» (Жарнов 1991: 209; также: Янссон 2001). Для Хедебю, решая загадку их появления, обращают внимание на то, что «несколько ранних погребений с трупосожжением имеют ближайшие параллели в населенном фризами районе Юго-Западной Дании» (Янссон 2001: 119).¹⁸

Представляется, что вышеизложенная информация заставляет опять-таки спросить: а почему мы должны связывать могильник Плакун со скандинавами, пусть и южными? Почему не непосредственно с фризами? Или все же – славянами Юго-Запада Балтики.¹⁹

При том, что абсолютно понятно – погребальный обряд, и с такой высокой степенью точности, не заимствуется при простом «знакомстве» с ним. Речь, скорее, должна идти и о проникновении каких-то групп континентальных германцев или фризов в район Хедебю, и достаточно длительном сохранении ими своей самобытности.

Далее, Хедебю – это не столько «датско-франкское пограничье», сколько «датско-ваггско-ободритское». Восточная часть Шлезвиг-Гольштейна – это, собственно, Вагрия. И, хорошо известный факт: в 808 г. конунг данов разорил Рерик-Велиград, и переселил его жителей в Хедебю (Херманн 1986а: 345; Седов 2002: 334; Янссон 2001: 119).

Полагаю, что это пример весьма показателен. Аналогичные примеры «подмены понятий», когда за скандинавские влияние принимаются влияния из Фрисландии, или других, отнюдь не скандинавских регионов, можно продолжить. Равно как примеров, когда вопрос на самом деле нуждается в дальнейшем прояснении.²⁰

И следует также сказать, что это и не единственный пример, когда те или иные «скандинавские аргументы» свидетельствуют на деле в пользу «южнобалтийской» гипотезы. Помимо уже упомянутых *фризских* вещей и погребального обряда «датско-франкского пограничья» (а также того, что процентное соотношение типов мечей эпохи викингов на Руси очень близко Дании – и сильно отличается от Швеции и Норвегии (Андрощук 2004: 119)), сюда же следует отнести и вообще многие ютландские параллели, а также имена Рюрика и Олега.

¹⁸ Критика Г. С. Лебедевым выводов К. А. Михайлова была обращена прежде всего на вопрос о датировке вообще камерных погребений Скандинавии. Что же касается их происхождения (опять-таки – камерных погребений вообще), то он ограничился следующей фразой: «... в Дании этот обряд связывают с влиянием шведов, **если не «восточноевропейских варягов» ... именно это в свое время стало основанием для обозначения ранних камерных могил Бирки как камер “типа плакун”** [выделено мной – А. Р.]» (Лебедев 2005: 473).

¹⁹ См. выше о специфичности традиции погребальной ладьи скандинавам.

²⁰ Так, скандинавским влиянием считается и распространение на Северо-Западе Руси технологии пакетной сварки (Минасян 1980; Завьялов, Терехова 2012). Но при этом почему-то не принимаются в расчет ряд фактов. Как указывают сами исследователи, «наиболее древними артефактами с наварными лезвиями ... можно считать кельтские мечи периода среднего латена». Уже в III в. н. э. кузнецы рейнских провинций Римской империи овладели секретами сварки дамасской стали (Завьялов, Терехова 2012: 310). Более того, «в последней четверти I тыс. н.э. в европейской кузнечной технике широкое распространение получил тип узколезвийго ножа удлинённых пропорций, с толстой спинкой и многослойным, зачастую трехслойным клинком. Металлографические исследования кузнечных изделий показали наличие таких в археологических памятниках Англии, северной Германии, Скандинавии, средней и восточной Европы» (Вознесенська 2000). Об этом же пишут и другие исследователи: «технология высокофосфорных вставок прослежена на копьях пруссов, известна на памятниках ФРГ» (Носов, Розанова 1989: 104). К тому же, псевдопакетирование «особенно широко» применялось на территории Литвы уже во II-IV вв. н. э. (Гурин 1982: 66). А в первой половине I тыс. н. э. в КПШК пакетирование использовалось при изготовлении серпов и кельтов (Егорейченко 2006: 104).

Добавим к этому, что в Балтийском регионе в эпоху средневековья «железу, производимому для продажи, придавалась форма определенных предметов ... в норвежских производственных центрах им придавали форму топора, в шведских мастерских изготавливали лопатовидные полуфабрикаты или полуфабрикаты в виде кос. Для славянских земель более характерны были полуфабрикаты в форме длиннолезвийных топоров» (Завьялов, Терехова 2012: 311).

К сожалению, я не располагаю сейчас ни временем, ни возможностями для углубления в вопрос, но рискну предположить, что он именно заслуживает дальнейшего исследования.

Почему?

Потому, что действительно, «датчанство Рёрика-Рюрика сильно колеблет весь **шведский** комплекс вопроса о Руси» (Трубачев 2005: 170). Как справедливо замечает В. В. Фомин, Рюрик Ютландский – это уже Юго-Запад Балтики (Фомин 2005: 240)..

И, стоит отметить, что когда Л. П. Грот утверждает, что имя Рюрик нехарактерно для шведов, то возражения «имя Рюрик засвидетельствовано руническим надписями» – классический пример глухоты к сути мысли оппонента. Речь ведь идет о том, что *Рюрик* – очень редко в шведском именовании, и характерно как раз для Ютландии. Если Л. П. Грот в этом ошибается – то именно это и следует опровергать. Но, еще А. Куник (норманист) писал: «В древнешведских памятниках Рерики (*die Rotiker*) встречаются, кажется, не часто ...» (Гедеонов 2011: 139).²¹

Аналогично, в недавней статье Е. А. Мельникова фактически опровергает (вопреки своим намерениям) скандинавское происхождение имени *Олег*. Так, она указывает на сугубую редкость имени *Хельги* (как и вообще «основы **hail-* в древнегерманских, а затем и древнескандинавских личных именах»). И приходит к выводу, что «личное имя Хельги/Хельга в дохристианское время имеет специфическое распространение: оно отмечается прежде всего в именовании Скьельдунгов - легендарной династии правителей о. Зеландия» (Мельникова 2005: 140-141).

Итак, и традиция, к которой может восходить имя *Олег*, связана именно с Ютландией. Но при этом и у датчан она проявлена слабо: «значительное число датских правителей разного происхождения и членов их семей названо во франкских анналах; показательны в плане актуального именователя более поздние генеалогии, но ни в тех, ни в других не упомянут ни один Хельги» (Мельникова 2005: прим.17). Зато, это имя «впервые упоминается в англо-саксонских поэмах "Видсид" (VIII в.) и "Беовульф" (VIII в.) как *Halga*» (Мельникова 2005: 140).²²

²¹ Не хочу здесь влезать в сложный и запутанный вопрос собственно этимологии имени *Рюрик*. Однако, несомненно, что невозможно и методологически неверно приступать к поискам его этимологии, игнорируя ряд фактов, приводимых А. Г. Кузьминым (и оставляемых норманистами совершенно без комментария). А именно: «имя Рюрик (*Rauric, Ruric, Roric*) достаточно широко распространено в Европе с первых веков нашей эры. А. Хольдер приводит пять таких имен для времени до VII века. Одно из них относится ко времени Константина Августа (начало IV в.). Другое – к концу IV столетия. Указывается также имя «Рюрика сына Фауста» (*Ruricio filio Faustus*) – епископа Лиможского (конец V – начало VI в.) и два «Рюрика» VI-VII веков. М.-Г. Морле приводит имена 12 «Рориков» с территории Франции IX – начала XII века» (Кузьмин 2004: 608, здесь же ссылки на источники информации).

Поскольку мощнейшее кельтское влияние в эпоху латена для Юго-Запада Балтики сегодня очевидный и никем не оспариваемый факт (ср. в частности: Лебедев 2005: 101-107), то апелляция А. Г. Кузьмина к кельтским параллелям полностью оправдана.

Добавлю здесь лишь, что кельтская версия не исключает скандинавскую – равно как и наоборот. Вполне допустима ситуация, когда два имени, восходящие к разным традициям, при встрече этих двух традиций начинают взаимодействовать и далее совместно эволюционировать.

²² В вопросе о происхождении имени *Олег* я, все же, не стал бы отбрасывать и славянскую линию этимологии. В свое время О. Н. Трубачев довольно таки презрительно, одной и не содержащей никаких контраргументов фразой, отмахнулся от идей С. Роспона на этот счет – и совершенно, на мой взгляд, зря. Во-первых, С. Роспонд (1965: 14) привел убедительные свидетельства общеславянской (и известной всем индоевропейским языкам) модели префиксально-корневых имен: Избор, Завид, Нажир и т.д. Во-вторых, он указал на происходящие из различных славянских языков имена, образованные именно по модели: О+попеп. В частности: Ослав, Омысл, Огост. В-третьих, он предложил конкретную, и прозрачную, не требующую натяжек славянскую этимологию имени *Олег*, связав его с праславянским корнем **lbg-* «легкий в движении и на вес» («русс. льга, нельга, нельзя и т. д.»).

Новые исследования новгородской деантропонимной топонимики свидетельствуют как о наличии в новгородском антропонимиконе префиксально-корневых имен (Налют, Намест, Пробуд и проч.), так и конкретно образованных по модели О+попеп: Оклюжье от имени Оклюд (Васильев 2005: 84).

Фиксируются «приставочно-корневые имена» по модели О+попеп и берестяными грамотами: Опаль, Опара (Зализняк 2004: 204).

Между тем, эта ситуация как раз соответствует взглядам А. Г. Кузьмина, и, в частности, его аргументированному мнению о древнем субстрате Ютландии (Кузьмин 2003: 241; Кузьмин 2004: 588). Даны же, как известно, выходцы из Сконе (Херрман 1986: 10).

В этой связи же необходимо обратить внимание на, пожалуй, главное сегодня препятствие к продуктивной дискуссии - упорное стремление оппонентов игнорировать ключевой тезис «южнобалтийской» гипотезы: **население Юго-Западной Балтики в раннем средневековье есть результат славянизации весьма сложного в этническом отношении населения – «народов между кельтами и германцами»**. Именно этим субстратом, по мнению «южнобалтийской» гипотезы, и объясняется основная масса неславянских черт *варягов* и *варяжской руси*. Как неоднократно заявлял (но так и не был услышан оппонентами) А. Г. Кузьмин: «Русь первоначально всюду была неславянской». Безусловно, что такая постановка вопроса требует от оппонентов в обязательном порядке рассмотрения всей варяго-русской проблематики (имен, «русских» названий порогов, деталей погребального обряда и т. д.), не только в скандинавском контексте, но и, как минимум, общегерманском – на чем, собственно, и настаивал А. Г. Кузьмин.

В частности, это относится и к данным антропологии.

С. Л. Санкина в ряде работ обосновала «скандинавскость» ряда серий из могильников Северо-Запада.

Однако, как легко убедиться, в основе ее рассуждений лежит опять-таки смешение понятий: «германский краниологический вариант ... чрезвычайно своеобразен и может быть достоверно выделен в инородной среде» (Санкина 1998: 233). И далее она говорит именно о «германском комплексе», а не сугубо скандинавском: серия черепов «могильника Шестовицы близ Чернигова. ... демонстрирует все признаки германского комплекса» (Санкина 1998: 235).

Иными словами, она фактически приравнивает германское и скандинавское.

Если далее учесть, что сама С. Л. Санкина показала особую близость славян Юго-Запад Балтики к германскому комплексу (Санкина 2000: 53-56), то в свете южнобалтийской гипотезы закономерен вопрос: а насколько серии с территории Руси, демонстрирующие «германский комплекс» - скандинавские?

Кстати, на это уже обратили внимание ранее и другие исследователи: «почему «скандинавам» Северо-Запада и Белозерья ближе всего не скандинавы Швеции или Норвегии (что было бы логично!), а раннесредневековое население Германии VI-VIII вв.?» (Балановская и др. 2011: 53).

То есть, и в данном случае «скандинавскость» на поверку адресует нас к Юго-Западу Балтики.

Стоит учесть также, что «германский комплекс» демонстрируют и некоторые прибалтийско-финские народы: «выражено "германские" значения индексов показывают кольские и финские саамы и, также прибалтайскофинская группа ливов X—XII вв. ... Сходство ливов с германцами более полное...» (Санкина 1998: 236).

ГЕРМАНСКОЕ – НЕ ЗНАЧИТ ОБЯЗАТЕЛЬНО СКАНДИНАВСКОЕ.

Это прекрасно продемонстрировал еще С. А. Геденов (2011: 11-20) – и то, что его выводы забыты, не означает, что они опровергнуты. Ни праславянское *витязь*, ни прусское *витинг*, вопреки (Петрухин, Каменецкая 2008: 81; Петрухин 2009: 130), являясь

Существенное значение в этом вопросе имеет и то, что имя *Олег* (в отличие от *Рюрика*) было весьма популярно и устойчиво в именослове Рюриковичей (мое внимание на это обратил Р. А. Рабинович – за что я ему крайне признателен).

Поэтому, я вполне допускаю, что и в данном случае опять-таки столкнулись две антропонимические традиции со сходными именами, но уже традиция англов (и ютов?) с именем *Halga/Helgi* и, с другой стороны, традиция славянская, возможно, располагавшая именем *Олег*.

Во всяком случае, думаю, что вопрос нуждается в дальнейшем исследовании (особенно в свете цитируемой ниже работы С. Л. Николаева – по которому, исходный для имени *Олег* североевропейский антропоним должен был иметь форму *Элиг*).

германизмами, не могут быть выведены из скандинавских форм (Фасмер 1986: 323). Равно как, вопреки (Клейн 2009: 226), не является скандинавизмом русское *князь*.

В блестящей работе А. В. Назаренко (1996: 37-39) показал, что древнерусское *скоть* – «монета» (в таком значении известное из славянских только древнерусскому языку) – германизм (ср.: ЕСУМ 5: 283), и как он полагает – скандинавизм. Но, позволивительно спросить: почему именно скандинавизм? Тем более, что нам известно лишь «др.-сканд. *skattr* в продвинутом значении ‘подать’, ‘имущество’». Тогда как «в древнеанглийском *sceattas* именовались английские серебряные монеты ... впервые упоминающиеся уже в «Законах» короля Этельберта (601/604 г.)». Вообще же, мы имеем дело с общегерманской лексемой, обозначающей мелкую серебряную монету, и в древнесаксонском она имела форму *skat* (Назаренко 1996: 35). Ранее, еще в 1974 году, на это уже обращал внимание А. Г. Кузьмин, причем он, со ссылкой на А. Хольдера, указывал и на кельтские параллели, считая что «древнерусское «скот» – имущество, богатство, деньги – происходит, по-видимому, от кельтского *scotti, scot*» (Кузьмин 2004: 617). Безусловно, было бы интересно рассмотреть проблему на нынешнем уровне наших представлений, учитывая и эти кельтские параллели.

Возвращаясь к главному: тем более «южнобалтийская» гипотеза права в своем притязании на необходимость рассмотрения варяго-русской проблематики в более широком, как минимум – общегерманском контексте, что факт дославянского и очень сложного в этническом отношении субстрата на Юго-Западе Балтики сегодня общепризнан. Причем помимо германского компонента и бесспорного сильного кельтского влияния (*Ясторфская культура* относится к числу латенизированных), для этой зоны обнаруживается и некий иной индоевропейский (или даже доиндоевропейский) субстрат (Щукин 1994: 20). Он, видимо, действительно в наибольшей степени отразился в *ингвеонах* (Кузьмин 2003: 238).

Плюс, учтем в этом контексте индоевропейский (возможно, родственные германцам) дофинский субстрат в Восточной Прибалтике (Мачинский, Кулешов 2004: 51), а также т.н. «именьковцев» в Поволжье (Напольских 2007: 109). Согласно В. Н. Топорову, вплоть до Шлезвига и Гольштейна простирается область «балтообразной» топонимики – хотя этническую принадлежность этого населения определить пока затруднительно (Топоров 2006: 54).

И, как показала уже первая попытка серьезного, на современном уровне знаний, филологического анализа: «В составе «варяжских» имен выделяется основная группа, отражающая фонетику ранее не известного науке раннесредневекового восточносеверогерманского диалекта... Фонетика этого языка по ряду признаков заметно отличается от фонетики древнедатского, древнешведского и древнесеверного (древненорвежского и древнеисландского) языков. Отделение ... от прасеверогерманского предпочтительно отнести к V–VI вв.» (Николаев 2012: 402).

Окажется ли этот диалект в итоге действительно северогерманским (да и вообще германским) – вопрос дальнейших исследований. Но в «отрицательном смысле» – в смысле отрицания древнедатского, древнешведского и древненорвежского происхождения этих имен, вывод С. Л. Николаева вряд ли может вызывать сомнения. И, полученный результат уже согласуется с рядом выводов А. Г. Кузьмина (2003: 313-332).

И, переходя к вопросу об этнической природе *варягов* и *варяжской руси*, начну с того, что не вызывает никаких сомнений тщательно аргументированный А. Г. Кузьминым (2003: 203-222) и В. В. Фоминым (2005: 336-376) тезис о многозначности термина *варяги* в русской традиции и его эволюции в сторону расширительного значения – вплоть до обозначения западноевропейцев вообще. Такое расширительное значение выразилось в появлении параллелизма терминов *варяги* и *немцы* – как прямо засвидетельствовано и в летописях, и в письме Ивана Грозного шведскому королю Юхану: «варяги – немцы» (Кузьмин 2003: 221; Фомин 2010: 466). Поэтому, представляется ошибочной

распространенная сегодня привычка «поправлять» источники, читая «скандинавы» вместо «варяги». Перефразируя М. Б. Щукина: «варяги были варягами».

Дискуссионным может являться лишь вопрос об исходном значении термина *варяги* и о том, включал ли он скандинавов изначально (как считают норманисты), или же стал применяться и к ним лишь позднее (согласно А. Г. Кузьмину - со времен Ярослава Мудрого (Кузьмин 2003: 242).

Между тем, в недавней работе Е. А. Мельникова, пытаюсь обосновать скандинавское происхождение этнонима *væringi*, убедительно продемонстрировала, на мой взгляд, прямо противоположное. Так, по ее мнению, имеет место «содержательный парадокс в соотношении "варяг/væringi"... это слово не встречается в древнескандинавских текстах до середины XI в., ... с момента своего появления и далее оно обозначает не тех воинов и купцов, которые бывали на Руси, а исключительно скандинавских наемников в Византии» (Мельникова 1998: 159). И, в итоге Е. А. Мельникова, признавая «инородность и позднее происхождение древнескандинавского названия», приходит к выводу: «позднее формирование терминов *варанг/вэринг* в Византии и Скандинавии указывает на то, что он возник не в самой Скандинавии и не в Византии, а на Руси» (Мельникова 1998: 164).

Представляется, что уже из цитированного очевидна фундаментальная внутренняя противоречивость попыток скандинавской этимологии этнонима *вэринг*. Получается, что скандинавы, известные восточным славянам уже более двухсот лет, вдруг получают от них новое название, восходящее к самоназванию небольшой, по определению эфемерной группы, сформированной по «профессиональному» принципу, с переменным составом участников. При этом для образования самоназвания эта группа использовала «архаичный и мало употребительный суффикс -ang». Группа быстро исчезает, сами скандинавы этот «специальный термин, узколокальный» не восприняли, но славяне все же экстраполировали его в качестве названия на всех скандинавов (и не только на них), и оно в кратчайшие сроки полностью вытеснило прежнее их обозначение.

На этом фоне, безусловно, гораздо убедительнее выглядит давнее предложение: «слово *varag*, **германское по своему корню** [выделено мной – А. Р.], занесено к нам с варяжского (балтийского) Поморья господствовавшими на нем славянскими племенами» (Гедеонов 2011: 122). Тем более, что «грамматическая правильность производства русского *варяг* от живого, по всем законам славянской лингвистики составленная, у Геннига буква в букву записанного вендского *varag - warang*, неотрицаема» (Гедеонов 2011: 123).²³

Неотрицаемо и то, что с рубежа 12\13 вв. летописи начинают выводить Рюрика «из немец» (Фомин 2005: 369). И что «для позднейших летописцев эти варяги-немцы, вышедшие к нам в 862 году, были не из Скандинавии, а из Пруссии; ... с берегов Вислы и Немана» (Гедеонов 2011: 103). И здесь мне абсолютно непонятно тотальное недоверие норманистов к этой более поздней русской традиции, равно как и мекленбургской. Никто ведь и не призывает воспринимать их известия без критического анализа. Но и никак невозможно не учитывать очевидный факт лежащей в их основе длительной исторической памяти. Если в «Слове о полку Игореве» упоминается «время Бусово», а русский летописец пишет о «поганом злом Дедрике», то другое объяснение здесь невозможно. И если мы обнаруживаем историческое зерно в сагах – записанных тоже много позднее (особенно саги о древних временах), то почему мы отказываем в этом иным традициям?

Думаю, можно признать правоту С. А. Гедеонова: «Не от сказки об Августе и Прусе родилось предание о поморской отчизне варяжских князей, а наоборот; в эпоху, когда никто еще не думал об этой сказке, летопись упоминает о сербских князьях «съ кашубъ, отъ помория Варязскаго, отъ Стараго града за Кгданскомъ» (Гедеонов 2011: 100).

²³ И. В. Первольф (1877: 43), критикуя эту идею С. А. Гедеонова, отрицал лишь предлагаемую последним семантику, но не факт наличия самого слова. Плюс, приведенные им ранние топонимы Юго-Запада Балтики, образованные от антропонимов, производных от этнонима *варяг*, очевидно указывают на факт известности и этого слова в регионе. Наконец, напомним, что «производные от этнических названий «варин» и «вэринг» широко представлены в саксонских именах» (Кузьмин 2004: 580, там же ссылки).

И, кстати, сегодня «римская легенда» Литовской хроники получает археологическое подтверждение (Щукин 2004: 70). На Янтарном берегу в 1-2 вв. предполагается дислокация римского гарнизона - т. н. «Самбийской алы» (Кулаков 2003-2004: 319)

То, что неясно, каким образом *варины* трансформировались в *вагры* – безусловно важный вопрос. Но этот вопрос вторичен по отношению к вопросу о связи *варинов* и *вэрингов*. И не может служить препятствием для рассмотрения такого соотношения. Тем более, что суффикс *-инг*, вопреки Е. А. Мельниковой, не специфически скандинавский, а вообще германский. И, как известно, английский носовой велярный [ŋ] в русском произношении часто заменяют [н].²⁴ Аналогичным образом в соответствующей языковой среде могло возникнуть *варины* из *варанги*. Тем более, что письменная фиксация этнонима *варин* принадлежит отнюдь не самим *варинам*.

Так что, на мой взгляд у нас есть все основания согласиться с Т. У. Шором, рассматривавшим *варины* и *вэринги* попросту как две формы одного слова (Shore 1906: 34-49).

Что же касается семантики этнонима *варяг*, то она, безусловно, подлежит дальнейшему прояснению. Рискну предположить, что она может иметь связь и с «*garogъ (*warogъ?) _окол, ястреб (?)»... Форма балтийского слова может быть объяснена из более ранней *waragna-, с ассимилятивно-диссимилятивными преобразованиями в дальнейшем: *waragna- > *waranga» (Николаев 2012: 421).

Обращаясь в заключение к вопросу о *руси*, начну с того, что сегодня в возможности скандинавской этимологии сомневается столько весьма авторитетных лингвистов (притом – и норманистов) (подробнее: Назаренко 2009: 370; Фомин 2010: 465-480; Максимович 2006; Станг 1999: 145), что отмахиваться от вопроса (Клейн 2009: 213) никак нельзя. По словам А. В. Назаренко (заметим: исследователя, уверенного, что варяги – это скандинавы): «абсолютно ясно и со всей отчетливостью выговорено отнюдь не «антинорманистами», что собственно скандинавоязычного прототипа у фин. *Ruotsi*, а, значит, и др.-рус. *русь* выявить не удастся [со ссылкой на Г. Шрамма – А. Р.], но подавляющее большинство вполне серьезных историков продолжает жить в летаргическом убеждении, будто проблема давно и навсегда закрыта ... » (Назаренко 2009: 370).

Но еще важнее, что даже если бы не было «соотношение приб.-фин. *rōtsi и др.-сканд. rōþ нетривиально» (Кулешов 2009: 453), даже при полной фонетической безупречности и бесспорности всех предполагаемых трансформаций, они не гарантируют нам, что речь не идет о простом совпадении.

Вообще, современные участники дискуссии (и особенно норманисты) зачастую забывают о некоторых принципиальных особенностях ономастических исследований (Откупщиков 1988: 78-79; Откупщиков 2006) – в результате чего, действительно: «большинство ономастических этимологий современных ученых удивительно напоминают самые рискованные народно-этимологические истолкования» (Откупщиков 2006: 215). Не приходится отрицать, что «... даже при самых надежных ономастических сопоставлениях мы не гарантированы от ошибок, вызванных отсутствием очень важного семантического критерия при анализе имен собственных» (Откупщиков 1988: 79).

В связи с предполагаемой скандинавской этимологией этнонима *русь* мы тем более должны иметь в виду возможность случайных совпадений, что еще в XIX в. была поставлена под сомнение (и жаль, что сегодня этот вопрос фактически выпал из дискуссии) связь финского *Ruotsi* и скандинавского *rōþ*: «...Roots .. означает вообще хребет, ребро, а в особенности ствол на листе. Перенесение этого понятия на береговые утесы или скалы, коими преимущественно изобилует Швеция, делает понятным, почему финны называют Швецию Ruotsimaa, а эсты Rootsima, страну утесов» (Гедеонов 2011:

²⁴ Сравните также произношение фр. *sang* (которое в русской транскрипции мы устойчиво передаем как *сан*): <http://ru.forvo.com/search/sang/>

266). При этом «горные лопари в Швеции называют себя Ruothi и Ruotteladz» (а шведов - иначе) – по мысли С. А. Геденова, просто «горными жителями».

По любезной консультации В. В. Напольских: «ф. *ruoto* 'рыбьи кости (позвоночник с рёбрами)' (заимств. из герман.), которое к *Ruotsi* 'Швеция' никакого отношения не имеет»; как и *ruoti* - 'черешок'. Вполне доверяя этому заключению, все же, думаю, вопрос достоин более развернутого обсуждения и аргументации. Во всяком случае, в эстонском мы видим «*roots* vrd. *good*» (Raun 1982). Согласно (EVS), *roots* и *root* имеют значения, соответствующие указанным С. А. Геденовым (а также: «рыбья кость; голая ветка; облезлый»); также отметим эст. *rootsik* – «обнаженный, голый, облезлый, ободранный»: *rootsik oks* – «голая ~ общипанная ветка»; *kalarootsik* – «рыбья кость»; *lehmarootsik* – «коровёнка». В языке вепсов мы видим *kalarod* - «рыбья кость», и *sel'grodan* - «позвоночник» (Zaitseva, Mullonen 2007: 400, 334). Наконец, учтем саам. *ruots* – «бурелом» (Шилов 1999: 114).²⁵

Добавлю к этому, что и Х. Станг, присоединяясь к мнению известного эстонского лингвиста Ю. Мягисте, считает, что в связи с этимологией *Ruotsi* «финский глагол *ruotsia* «очищать рыб» необходимо учитывать как в формальном отношении, так и со стороны реального содержания. Ср. параллельную пару слов *Suomi* и *суомус* «рыбный суп» ... Достойны внимания и другие финские названия народностей, соотносящие этнонимы с понятиями о рыбах или рыболовстве - **вепся, финне, гарйя*» (Станг 1999: 146).

Поэтому, этимология должна проверяться и историей.²⁶

Пытаясь далее в весьма сложном и смутном вопросе о *русси* наметить более или менее надежные островки убедительных выводов, подчеркну в первую очередь следующее: думаю, что бы ни было источником др-рус. *русь*, но это мог быть только эндоэтноним – самоназвание этнической (подчеркну!) общности, обитавшей в Восточной Европе уже в VI-VII вв. - не позднее (Трубачев 2005а: 173; Кулешов 2009: 449). Модель же (Мельникова, Петрухин 2011: 140), подразумевающая одновременное функционирование *русь* в качестве и соционима, на мой взгляд, не может быть принята – существование соционима безусловно воспрепятствовало бы возникновению этнонима (да и, как очевидно, *русь* как этноним фиксируется (в частности, упомяну известное сообщение о «хакане рос») еще до того, как возникло Древнерусское государство – и, соответственно, та среда, в которой, по модели Мельниковой-Петрухина, должна была произойти трансформация соционима в этноним). К тому же сопоставление выражений «дружина многа» и «вся русь» как взаимозаменяемых не основано ни на чем, кроме желания исследователей – разные летописи рассказывают разные версии одной истории, но отнюдь не занимаются переводом слово в слово.

Полагаю, несомненно и то, что *русь* – изначально неславянский народ (в чем, на самом деле, согласны обе стороны: Кузьмин 2003: 333; Назаренко 1998; Геденов 2011: 33; Кулешов 2009: 454), но к IX в. уже сильно славянизированный.

²⁵ Имеет ли к ситуации отношение и удмурт. *род* «плохой» – вопрос к лингвистам.

²⁶ По словам А. Л. Шилова: «Вопрос о скандинавской топонимии в Карелии должен быть рассмотрен по следующим пунктам: показания археологии; показания письменных источников; показания антропонимии; показания топонимии. Без рассмотрения первых пунктов, приступать к последнему нет смысла, ибо большинство топонимов любой территории при желании могут быть возведены к лексике любого языка путем "этимологической пытки" (выражение Н.И. Надеждина)» (Шилов 1999: 109). И, отмечает он, «простое созвучие основ топонимов со словами тех или иных языков само по себе еще не может рассматриваться как доказательство той или иной этимологии» (Шилов 1999: 116). В близком ключе высказался и В. В. Напольских (2001) по поводу поисков «угро-самодийской» топонимики в Восточной Европе. Поэтому, дело не в том, что провальны попытки предложить скандинавскую этимологию, например, Искоростеня (А. Л. Шилов подверг попытку Г. Шрамма хоть и краткой, но весьма справедливой и убедительной критике), Дело в том, что такие попытки, даже, как видим, весьма серьезных исследователей, все еще зачастую попросту пренебрегают тем, абсолютно необходимым этапом исследования, который предшествует собственно этимологизации. И который должен убедить нас, что вообще возможно (и, более того - необходимо) в поисках этимологии обращаться к скандинавским (в данном случае) языкам.

Славянизированность *руси* (хоть и весьма, как очевидно, частичная) уже до возникновения Древнерусского государства - сомнений, на мой взгляд, тоже не вызывает. Подмеченный еще С. А. Гедеоновым (2011: 33) факт: «Олег, Игорь и их сподвижники клянутся по русскому закону Перуном и Волосом» – не допускает (вопреки в том числе и контраргументам Л. С. Клейна (2009: 220)), как мне представляется, никаких иных толкований. Действительно, «промена одного язычества на другое не знает никакая история». И, действительно, «становясь поклонниками Перуна и Волоса, норманнские конунги тем самым отрекались от своих родословных; Инглинги вели свой род от Одина» (Гедеонов 2011: 37; ср. и цит. выше вывод Т. Н. Джаксон (2008: 203)).

Также, в свете сказанного в первой половине этого текста, мне представляется, что у нас нет никаких оснований видеть в исходной *руси* – скандинавов (добавлю: даже если исходить из гипотезы «гребцов» (что мне кажется крайне сомнительным), то не следует забывать, что «комплекс значений слова *rōþ(e)r* — «гребец; гребля; весло; плавание на гребных судах» — устойчив во всех германских языках» (Мельникова, Петрухин 2011: 137)).

Далее, можно согласиться, что этноним *русь* в русской традиции образован по славянской модели (Трубачев 2005а: 166; Максимович 2006: 51), но явно, что использовалась эта модель именно для обозначения определенной группы народов (Кулешов 2009: 451). И, поскольку почти вся эта группа, очевидно концентрируясь в пространстве, объединяет ряд как финских, так и балтских народов (Хабургаев 1979: 168; не следует, однако, забывать здесь и о замечаниях А. А. Зализняка (2008: 214-215)), логично предположить, что речь идет о некоем общем для них субстрате.

Между тем, и лингвистикой (Напольских 2007: 101), и антропологией (Балановская и др. 2011: 53) выделяется палеоевропейский субстрат, на основе которого сформировались северные древнерусские популяции, и который проявлен также в балтах, кельтах и германцах (в т. ч. скандинавах). В свете предположения о субстрате др.-рус. *серебрь* тоже перестает быть изолированным (некоторые соображения в связи с *савирами* и *волхвой/волохами*: Романчук, Цвигун 2013). Примечательно, что и В. С. Кулешов (2009: 450) в связи с «запрещенным кластером /wts/» - препятствующим, по его мнению, выведению **rōtsi* < **roud-sь*, указывает на одно исключение, которое трактует как проявление «доприбалтийско-финского субстрата».

На мысль о таком субстрате наводит и тщательно рассмотренная А. Г. Кузьминым (2003: 268-276; 2004: 594) корреляция этнонимов *русь/руги/рутены* друг с другом и с эпитетами «красный, рыжий, светлый». Полагаю, что стремление рассматривать эти корреляции просто как «книжное переосмысление» - ошибочно. Оно, прежде всего, фактически выбрасывает из оборота (и совершенно незаслуженно) огромное количество источников. Тщательное же их рассмотрение А. Г. Кузьминым показывает, что они несомненно имеют отношение к делу (ср. также цитированную работу Х. Станга (1999)).

Критические замечания филологов в адрес выявляемой корреляции исходят из того, что сопоставляются непосредственно эти формы (Кулешов 2009: 455) – тогда как их (и вероятно, ряд не дошедших до нас (ср. Напольских 2007: 99)) стоит понимать как различные производные одной исходной. Вообще, семантика здесь явно ставит задачи в реконструкции фонетики (впрочем, некоторые соображения: Кузьмин 2004: 594).²⁷

Таким образом, если возведение этнонима *русь* непосредственно к «праславянскому корню (с его балтийскими соответствиями) **rūd-/*roud-/*rūd-* (из *rud-*) 'красноватый,

²⁷ Кстати, в этой связи лично мне (но думаю, и многим другим) хотелось бы вместо поднадоевшего рефрена «Кузьмин не лингвист» услышать внятный ответ на вопрос: действительно ли «галльское *roudos* – «красный» – передавалось в разных кельтских языках и диалектах как *guad, gudd, ruth, ruz, rubes*» (Кузьмин 2004: 594, со ссылкой на: Holder A.)? Равно как и по поводу того, что – французский исследователь племени «рутеннов из Руерга» (Rouergue – название провинции с римских времен) не сомневается в значении этнонима: в кельтском языке оно означало «красный», «рыжий» (Кузьмин 2004: 594, со ссылкой на: Albenque A.).

бурый, рыжий») вряд ли приемлемо, то к «и.-е. группе *rudh-/rudh-/roudh-(reudh-)* -» (Максимович 2006: 50) – представляется мне весьма перспективным. Особенно, если учесть и вполне вероятную этимологию лютичского племени *редарей* как «красных, рыжих» (Назаренко 2009: 309, прим. 36).

В этой же связи хочу указать еще на один момент. Этноним *руги*, по О. Н. Трубачеву, «довольно ясно» связан «с германским названием ржи (**rugi*)» (Трубачев 2005: 164; солидарен с ним и М. Фасмер (1987: 494)) – поэтому связь его (как и кельтских *рутен*) с *русью* он считает чисто литературным переосмыслением. Однако, Н. И. Толстой (крайне признателен И. В. Горофянюк, обратившей мое внимание на эту работу), рассматривая славянский географический термин *рудина*, говорит о «древней вариантности корней *rod-/rud-*» (Толстой 1983: 125-126). При этом «корень **rud-* сохранил семантический признак «красный», наряду с дополнительно появившимися семами, в то время как корень **rod-* в результате транссемантизации получил значения «шершавый, кучерявый» (**rod-*, **rodьbь*) ...».

Между тем, исходя из общего мнения о необходимости возводить «балто-славяно-германскую изоглоссу» названия ржи (Бернштейн 1974: 275) к и.-е. **rughi*, В. В. Напольских предлагает следующую реконструкцию: «В праславянском в ходе второй палатализации должно было иметь место следующее развитие **rughi-* > **rudži* > **rŭžī*; именно промежуточная форма **rudži* могла послужить источником для пра-Перм. **rudžeg*; возможность такой же палатализации в каких-то древних балтских диалектах (как – видимо очень поздно – в латышском) также не исключена» (Напольских 2006: 7). При этом, имея в виду рассмотреть в специальном исследовании «запутанный возрос» соотношения балто-славяно-германского обозначения ржи и его арийских параллелей, он предлагает привлекать к решению этого вопроса «ещё и алб. *vrug* «спорынья, грибок, ржавчина» (имея в виду распространённую связь названий спорыньи и ржи в разных языках ...)» (Напольских 2006: 7).

Действительно, названия спорыньи и ржи тесно связаны в ряде языков; старое балто-славяно-германское именование спорыньи означало буквально «*мать ржи*» (вариант: «отец ржи») (Напольских 2006: 7). С другой стороны, такие славянские названия спорыньи, как *ржа*, *руда* (ЕСУМ 5: 134) восходят именно с и.-е. корню со значением «красный».

Таким образом, очевидно, что имело место весьма древнее семантическое сближение и.-е. **rughi* и «и.-е. группы *rudh-/rudh-/roudh-(reudh-)* -». Причем между различными производными этих двух корней имели место многочисленные проявления транссемантизации. А, соответственно, этнонимы *руги*, *русь* и *рутены* и с этой точки зрения связаны куда сильнее, нежели это представлялось О. Н. Трубачеву.

К транссемантизации необходимо добавить и происходившие в индоевропейских диалектах неоднократно палатализации – которые, в свою очередь, должны были и способствовать транссемантизации (особенно при встрече разных диалектов). Пример латышского *rudzis* «рожь» – очевидная иллюстрация того факта, что палатализации могли проявиться очень по-разному не просто в разных индоевропейских диалектах, но даже в диалектах, находящихся в ближайшем родстве (как латышский и прочие балтские). И, если в ходе второй палатализации в праславянском произошло развитие **rughi-* > **rudži* > **rŭžī*, то, например, в некоторых юго-западных украинских говорах (в первую очередь гуцульских) мы наблюдаем переход фонем *д*, *т* при смягчении в, соответственно, - *г*, *к*: *діло* «дело» произносится как *гіло*, а *тісто* «тесто» – как *кісто* (по любезной консультации И. В. Горофянюк, в данном случае речь идет о субституции – замещении одних мягких звуков другими). Также очевидно (и это особо подчеркивает В. В. Напольских), что мы должны иметь в виду значительное количество паразытов – существовавших в древности, но не только не сохранившихся до наших дней, но и практически никак нами не зафиксированных. О фонетических процессах, шедших в этих языках, мы можем судить весьма приблизительно.

В этих условиях отрицать, что этнонимы *руги*, *рутены*, *русь* могли возникнуть как различные формы одного общего этнонима, восходящего к «и.-е. группе *rudh-/rudh-/roudh-(reudh-)* -» с основным значением красный – странно.²⁸

Разумеется, родство различных *ругов/русов/рутен* не следует переоценивать – но и недооценивать тоже. В целом, оно вполне соответствует наблюдаемой ситуации наличия сходных или тождественных этнонимов в разных концах индоевропейского мира. И должно объясняться согласно предложенной ранее модели (Хабургаев 1979: 210; Романчук 2010). Добавлю, что в свете этой модели возможно непротиворечиво учесть и гипотезу О. Н. Трубачева (2005а: 159-160) – как и предлагал А. Г. Кузьмин (2003: 333). И, думаю, что А. Г. Кузьмин прав, предполагая участие в генезисе собственно древнерусского этноса не одной группы *руси*, но нескольких (по своему происхождению часто лишь отдаленно связанных) – взаимодействие которых вело к их вторичному сближению (равно как и сближению их именовании).

Особо хочу оговорить, что мне представляется весьма перспективным и предложение А. Г. Кузьмина (2003: 334) разделять Русь Рюрика с братьями и Русь Олега и Игоря – связывая последнюю с Роталией-Русией.

Заключая свой краткий очерк, хочу высказаться и по поводу тех страстей, что кипят вокруг дискуссии. Безусловно, что у обеих сторон (подчеркну – у обеих) есть определенные политические и корпоративные пристрастия – которые очень существенно влияют на их оценку ситуации и зачастую делают их предвзятыми. И если с одной стороны у многих авторов их выводы «густо замешаны на политике, эмоциях, ложно понимаемом патриотизме» (Т. Н. Джаксон), то с другой стороны не менее часто и отчетливо сквозит стремление «ударить по русскому великодержавному шовинизму», «сталинизму» и «тоталитаризму» – и, в конечном итоге, те же эмоции, политика и не менее ложно понимаемый патриотизм. В результате, для обеих сторон варяго-русский вопрос часто превращается просто в разменную монету в том идеологическом противостоянии, которое раздирает Россию издавна, и которое отчетливо оформилось уже в споре «западников» и «славянофилов».

Плюс, очевидно добавляется и, как метко выразился Л. С. Клейн, еще один значимый фактор: «что для одного открытие – для другого закрытие».

Но также безусловно, что лучшие представители обоих направлений руководствуются именно стремлением к отысканию истины.

Поэтому, мне представляется особенно важным, чтобы эти, лучшие представители обоих направлений, находили в себе силы преодолевать свои предубеждения, и старались действительно вникнуть в рассуждения оппонентов. И, разумеется, уважали своих оппонентов – как бы ни были с ними не согласны.

Так что, абсолютно недопустим, на мой взгляд, тот тон, который В. В. Фомин позволяет по отношению к своим оппонентам в ряде последних работ. А сотрудничество (имеющее очевидную коммерческую подоплеку) с такой нелепой и одиозной фигурой, как М. Задорнов, без сомнения, дискредитирует в глазах научного сообщества не только самого В. В. Фомина, но и отстаиваемую им точку зрения. Слишком много, действительно,

²⁸ Еще одна линия транссемантизации, очевидно, проявляется в наименовании восточнославянской фольклорной традиции Рюгена-Рюена – островом Буяном (что было аргументировано В. Б. Вилинбаховым; впрочем, уже И. В. Первольф (1877: 48) высказал некоторые идеи на этот счет – по крайней мере, в отношении Индии-Вендии и Вольна-Волина). Между тем, в ряде славянских языков (чешский, болгарский, сербохорватский) мы видим, что сентябрь (или октябрь) обозначаются как *руен*, *руян* и т.п. (от праславянского *guti/gjuti* ‘реветь’) и одновременно, нередко в тех же самых языках (болгарский), или других славянских (македонский) *руен*, *руян* – имеет и значение ‘буйный’ (ЕСУМ 5: 149). В этой связи было бы интересно услышать мнение лингвистов и по поводу подмеченного А. Г. Кузьминым обстоятельства: «А.С. Фаминцин указал на то, что в сербском языке слово «руйан» значит «темно-красный, желто-красный» (Кузьмин 2004: 594).

Стоит также отметить, что праславянское *guti/gjuti* ‘реветь’ имеет индоевропейские параллели.

подымается вокруг варяго-русского вопроса дурной пены. И потворствовать этому - дело, на мой взгляд, не менее дурное.

Но с другой стороны, не менее неприятное впечатление производят попытки норманистов объявить южнобалтийскую гипотезу «антинаучной», «возвратом к средневековью», инспирируемым исключительно «ущемленным национальным самолюбием». Ведь, в самом деле, нельзя не согласиться с норманистом – но действительно уважающим своих оппонентов, В. А. Мошиным, что никакой «патриотической подкладки» нет у «немца Эверса, еврея Хвольсона или беспристрастного исследователя Геденова» (Кузьмин 2003: 50). И, когда с капитальными пятисотстраничными работами С. А. Геденова, А. Г. Кузьмина и самого В. В. Фомина, чрезвычайно насыщенными фактами, аргументами, вопросами, и действительно привлекающими огромное количество источников, зачастую ускользающих от внимания норманистов, «расправляются» одной-двумя фразами, оставляя поставленные ими вопросы совершенно без ответа, подобная «критика» нисколько не убеждает.²⁹

На мой взгляд, абсолютна ненормальна ситуация, когда (по замечанию, еще раз подчеркну, норманиста) «всякое отклонение» от скандинавской этимологии др.-рус. *русь* «карается отлучением от науки», когда «любая попытка завести даже деликатный, нюансированный разговор поперек скандинавоцентричной *opinio communis* требует научной смелости» (Назаренко 2009: 370).

А уж если действительно имела место апелляция к «канделябрам в качестве аргумента» (Фомин 2010а: 88), то становится понятнее и тот (и опять-таки еще раз подчеркну – совершенно, на мой взгляд, недопустимый) тон, который позволил себе В. В. Фомин в отношении оппонентов.

Вообще, если оппоненты южнобалтийской гипотезы с ней так радикально не согласны – им необходимо сначала подвергнуть ее столь же радикальной и тщательной, аргументированной критике, образно выражаясь: разнести ее в пух и прах. И только потом – прилагать к ней столь уничижительные эпитеты.

Пока этого не сделано (а это не сделано) – все резкие слова в адрес южнобалтийской гипотезы представляют собой простое сотрясение воздуха.

Но, здесь не столь важно (да и, наверное, невозможно точно установить): кто первый начал брань? Важно, чтобы кто-то первый – остановился.

И, позволю себе напомнить один прецедент – похоже, имеющий непосредственное отношение к варяго-русской дискуссии. А именно - борьбу «лысенковцев» и «вейсманистов».

В этой борьбе, как очевидно с высоты сегодняшнего дня, и правых и виноватых хватало с обеих сторон.³⁰ Но, как легко убедиться, если читать самого Т. Д. Лысенко, позиция его

²⁹ К тому же, нынешним норманистам стоило бы «заметить» то, что В. В. Фомин сегодня не только отстаивает южнобалтийскую гипотезу, но и публикует классиков норманизма: «в 2006 г. переиздал статью Байера «О варягах» (1735), речь-диссертацию Миллера «О происхождении имени и народа российского» (1749), готовлю к изданию перевод с немецкого книги Шлецера «Probe russischer Annalen» («Опыт анализа русских летописей», 1768), ... публикуется исследование норманиста эмигранта В. А. Мошина» (Фомин 2010а: 7). Равно как и его, сказанные в этом же отрывке слова: «имена немцев Г.З.Байера, Г.Ф.Миллера и А.Л. Шлецера, несмотря на их весьма серьезные ошибки (а у кого их нет?) во взглядах на прошлое России, «являются таким же достоянием русской исторической мысли, как и имена русских Татищева, Ломоносова, Карамзина и других замечательных деятелей нашей науки», и что они имеют «весьма значимые заслуги ... перед русской исторической наукой».

Впрочем, многое еще стоило бы «заметить» – точнее, захотеть заметить, - обеим сторонам.

³⁰ Не стоит упрощать, как мне кажется, и спор норманистов и антинорманистов в советской науке – как и вообще отношения науки и власти в СССР. Выше я уже обратил внимание, что, по признанию самого Л. С. Клейна (2009: 123), на деле именно А. Г. Кузьмин и В. Б. Вилинбахов оказывались в полном научном одиночестве, доминировал же де факто в советской науке, как неофициальной, так и официальной, именно норманизм – хоть и разных течений. И, с начала 70-х гг. сторонникам южнобалтийской гипотезы становилось просто даже все труднее публиковаться (Кузьмин 2003: 53). В это же время, участники «варяжского семинара» Л. С. Клейна, несмотря на свой норманизм, защищали диссертации, публиковали

была и близко непохожа на то примитивно-убогое ее изображение, какое рисовали победившие «вейсманисты». А самое главное, как оказалось по прошествии времени, Т. Д. Лысенко прав в своем главном (да и многих частных) тезисе: приобретенные признаки передаются по наследству! Сегодня мировая наука (подчеркну – именно мировая, и в первую очередь западная) в этом уверена (Голубовский 2000; 2001; Гродницкий 2002; Животовский 2003). И хотя уже пришла пора извинений перед Т. Д. Лысенко (Лю Йоншень 2010; Flegl 2002), но ведь если бы тогда в СССР дискуссию не закрыли в одностороннем порядке, очевидно и Барбаре МакКлинтон не пришлось бы ждать так долго признания.

Поэтому, давайте уважать друг друга и говорить по существу. И, вместо того, чтобы рассуждать о мотивах друг друга, и заменять анализ аргументов психоанализом оппонента - давайте обсуждать именно главные и относящиеся к сути дискуссии вопросы, и, что принципиально – не искажать позиции оппонентов. Спор норманистов и антинорманистов разрешится тогда, когда они начнут слушать друг друга и вдумываться в позицию оппонентов.

Благодарности. Искренне признателен И. В. Горофяннюк за все советы, замечания и благие пожелания, Р. А. Рабиновичу же, помимо того – и за достаточно постоянно возникавшие за чашечкой чая острые споры о тех или иных аспектах варяго-русского вопроса.

Статья опубликована: <http://moldo.org/2nd.php?idm=3&ida=295>

Литература:

- Авдусин Д. А. 1949. Варяжский вопрос по археологическим данным. *КСИИМК* 30, 3-14.
- Авдусин Д. А. 1982. Варяжский вопрос в работах Смоленской экспедиции. В: *IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии*. Тарту: ТГУ, 175-176.
- Агеева Р. А. 2009. Топонимические работы В. Н. Топорова. В: Гиппиус А. А. (отв. ред.). *Балто-славянские исследования XVIII*. Москва: Языки славянских культур, 235-249.
- Айхенвальд А. Ю. 1992. Таара. В: Токарев С. А. (отв. ред.). *Мифы народов мира*: в 2-т. Т. 2. Москва: Советская энциклопедия, 959.
- Андрощук Ф. А. 2004. От Рагнара Лодброка до Видгаутра (о датских и шведских контактах сембов и куршей в эпоху викингов и в раннем средневековье). В: Д. А. Мачинский (ред.). *Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской*. СПб: Нестор-История, 109-140.
- Анучин Д. Н. 1890. *Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда. Археолого-этнографический этюд*. Москва: ТиС О. О. Гербек.

статьи и даже монографии (как Г. С. Лебедев), в которых отстаивали именно норманистскую концепцию – пусть и не имели возможности сказать все, что хотели.

С другой стороны, когда А. Г. Кузьмин в 1974 г. писал, что «Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко ни в коем случае не отходят от марксизма, признавая преобладание норманнов в господствующей прослойке на Руси» (Клейн 2003: 171), я вижу в этом прежде всего жест доброй воли с его стороны, и стремление именно оставаться в рамках научной дискуссии (и воспрепятствовать «перенесению дискуссии в горком») и отнестись к своим оппонентам с уважением. Фактически, на мой взгляд, он оказал своим оппонентам весьма важную тогда для них поддержку. Если я в этом ошибаюсь – возможно, бывшие участники «варяжского» семинара смогут меня поправить, и приведут факты, позволяющие иначе трактовать данную ситуацию.

- Балановская и др. 2011: Балановская Е. В., Пежемский Д. В., Романов А. Г., Баранова Е. Е., Ромашкина М. Е., Агджоян А. Т., Балаганский А. Г., Евсеева Е. В., Виллемс Р., Балановский О. П.. 2011. Генофонд Русского Севера: Славяне? Финны? Палеоевропейцы? *Вестник Московского университета. Серия XXIII АНТРОПОЛОГИЯ*, (3): 27–58.
- Бернштейн С. Б. 1974. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. Москва: Наука.
- Бирнбаум Х. 1986. *Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции*. Москва: Прогресс.
- Васильев В. Л. 2005. *Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования)*. Великий Новгород: НовГУ.
- Васильев В. Л. 2007. Древнебалтийская топонимия в районе Новгородской земли. *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 21, 271 – 285.
- Васильев В. Л. 2009. Древнеевропейская гидронимия на Русском Северо-Западе. В: Гиппиус А. А. (отв. ред.). *Балто-славянские исследования XVIII*. Москва: Языки славянских культур, 262-278.
- Вилинбахов В. Б. 1980. Современная историография о проблеме «Балтийские славяне и Русь». *Советское славяноведение* (1), 79-84.
- Вознесенська Г. О. 2000. Техніка ковальського виробництва в Городку на Ловаті. URL: http://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Sci/Archeology/Archeometry/Applied/LovatForger_y.html
- Дата обращения: 28.09.2013.
- Гайдуков П. Г., Носов Е. Н., Янссон И. 1993. Скандинавская равноплечая фибула типа Вальста из района истока Волхова. *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 2, 115-121.
- Ганина Н. А. 2011. Аркона, Каренца, Ругард, Ральсвик: о статусе и соотношении рюгенских центров власти. В: Мельникова Е. А. (отв. ред.). *Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы политогенеза*. XXIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва: ИВИ РАН, 35-40.
- Геденов С. А. 2011. *Варяги и Русь: разоблачение «норманнского» мифа*. Москва: Эксмо.
- Гильфердинг А. Ф. 1855. *Исторія балтійських славянъ*. Т.1. Москва: Типографія В. Готье.
- Голубовский М. Д. 2000. *Век генетики: эволюция идей и понятий*. СПб: Борей Арт.
- Голубовский М. Д. 2001. Неканонические наследственные изменения. *Природа* 9(1033): 3-9.
- Горюнова В. М. 1991. Начальная история древних Лук (X – начало XI вв.). В: В. Л. Янин, Е. Н. Носов, П. Г. Гайдуков. (ред.). *Материалы по археологии Новгородской земли. 1990*. Москва: б. и., 38-67.
- Горюнова В. М., Плохов А. В. 2011. Контакты населения Приильменя и Поволховья с народами Балтики в IX-X вв. по керамическим материалам. *Археологические вести* 17, 259-280.
- Гродницкий Д. Л. 2002. *Две теории биологической эволюции*. Саратов: Научная книга.
- Гурин М. Ф. 1982. Металлографическое изучение железных изделий из городища Липняки Лоевского р-на. В: Поболь Л. Д., Таутавичус А. З. (отв. ред.). *Древности Белоруссии и Литвы*. Минск: Наука и техника, 61-67.
- Давидан О. К. 1968. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладogi. *АСГЭ* 10: 44-63.
- Джаксон Т. Н. 1996. "Восток" в картине мира древних скандинавов. *Восточный путь* 2, 25-26.

- Джаксон Т. Н. 1999. Варяжский вопрос. <http://janaberestova.narod.ru/jackson.htm>
Дата обращения: 30.07.2013.
- Джаксон Т. Н. 2001. *Austr i Gǫrdum: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках*. Москва: Языки русской культуры.
- Джаксон Т. Н. 2008. Рюриковичи и Скандинавия. В: Бибиков М. В., Мельникова Е. А., Назаров В. Д. (отв. ред.). *Древнейшие государства Восточной Европы. 2005*. Москва: Индрик, 203-227.
- Джаксон Т. Н. 2012. *Исландские королевские саги о Восточной Европе*. Тексты, перевод, комментарий. Москва: РФСОН.
- Джаксон Т. Н., Рождественская Т.В. 1988. Несколько замечаний о семантике и происхождении топонима Изборск. В: Новосельцев А. П. (отв. ред.). *Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1986 год*. Москва: Наука, 223-229.
- Егорейченко А. А. 2006. *Культуры итрихованной керамики*. Минск: БГУ.
- Еремеев И. И. 2005. Волок «с верха Днепра до Ловати» и варяги. *Археологические вести 12*: 98-122.
- ЕСУМ 4: *Етимологічний словник української мови*. 2003. / Гл. ред. О. С. Мельничук. Т. 4. Київ: Наукова Думка
- ЕСУМ 5: *Етимологічний словник української мови*. 2006. / Гл. ред. О. С. Мельничук. Т. 5. Київ: Наукова Думка.
- Жарнов Ю. Э. 1991. Женские скандинавские погребения в Гнездове. В: Авдусин Д. А. (отв. ред.). *Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города)*. Москва: МГУ, 200-225.
- Животовский Л. А. 2003. Наследование приобретенных признаков: Ламарк был прав. *Химия и Жизнь 4*: 22-26.
- Завьялов В. И., Терехова Н. Н. 2012. Скандинавские традиции в кузнечном ремесле северной Руси (к вопросу о трехслойной технологии). *Stratum plus 5*, 309-318.
- Зализняк А. А. 1988. Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка. В: Толстой И. Н. (отв. ред.). *Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988*. Москва: Наука, 164-177.
- Зализняк А. А. 2004. *Древненовгородский диалект*. Москва: Языки славянских культур.
- Зализняк А. А. 2008. *«Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста*. Москва: Рукописные памятники Древней Руси.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. 1992. Навь. В: Токарев С. А. (отв. ред.). *Мифы народов мира*: в 2-т. Т. 2. Москва: Советская энциклопедия, 195.
- Исланова И. В. 1993. Поселение и могильник Юрьевская Горка в Удомельском Поозерье. О новом типе памятников третьей четверти 1 тыс. нашей эры. *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 2*, ,
- Исланова И. В. 2008. *Городище Отмичи*. (Раннеславянский мир. Вып. 11). Москва: ИА РАН.
- Кальмер Ю. 1999. Археологические древности Руси. *Stratum plus 5*: 153-157.
- Кирпичников А.Н. 1985. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований). В: *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования*. Ленинград: ЛГУ, 3-26.
- Клейн Л. С. 2009. *Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон*. Спб: Евразия.
- Крысько В. Б. 1998. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне. *Вопросы языкознания 3*, 74-93.
- Кузьмин А. Г. 2003. *Начало Руси. Тайны рождения русского народа*. Москва: Вече.

- Кузьмин А. Г. 2004. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы). В: Геденов С.А. *Варяги и Русь*. Москва: Русская панорама, 576-620.
- Кулаков В. И. 1999. Балтийский вариант движения викингов. *Stratum plus* 5, 148-152.
- Кулаков В. И. 2003-2004. Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I – XI вв. н.э. *Stratum plus* 4, 278-382.
- Кулешов В. С. 2009. К оценке достоверности этимологий слова русь. Труды ГЭ 49: 441-459.
- Курбатов А. В. 2006. Связи Поволховья с регионами Балтийского моря в VII – XI вв. по материалам кожевенного ремесла. Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. Вып. 2, 54-71.
- Курбатов А. В. 2011. «Инородные» кожаные предметы средневековой Руси. *Stratum plus* 5, 183-200.
- Лебедев Г. С. 2001. Верхняя Русь по данным археологии и истории. В: Герд А. С., Лебедев Г. С. (общ. ред.). *Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны*. Санкт-Петербург: СПбУ, 31-58.
- Лебедев Г. С. 2005. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. Санкт-Петербург: Евразия.
- Либготт Н.- К. 1986. Керамика – свидетельство связей со славянским побережьем. В: Мельникова Е. А. (ред.). *Славяне и скандинавы*. Москва: Прогресс, 141-145.
- Лопатин Н. В. 2011. К дискуссии о происхождении формы горшка с цилиндрическим горлом на Руси. В: Археология и История Пскова и Псковской Земли. Семинар имени академика В.В.Седова. Материалы 56-го заседания, посвященного 130-летию Псковского археологического общества (7–9 апреля 2010 г.). М.–Псков, 248-256.
- Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г. 2007. *Северные рубежи раннеславянского мира в III-V вв. н. э.* (Раннеславянский мир. Вып. 8). Москва: ИА РАН.
- Львова З. Л. 2003. Стекланные бусы Старой Ладоги. В: Короткевич Б. С. (ред.). *Старая Ладога. Древняя столица Руси: каталог выставки*. СПб: ИГЭ, 151-153.
- Лю Йоншень 2010. Вклад Лысенко в науку. В: Овчинников Н. В. *Академик Трофим Денисович Лысенко*. Москва: Луч, с. 202–209.
- Максимович К. А. 2006. Происхождение этнонима Русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников. В: Грацианский М. В., Кузенков В. П. (отв. ред.). *KANISKION. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова*. Москва: Изд-во ПСТГУ, 14-56.
- Мачинский Д. А., Кулешов В. С. 2004. Северные народы середины IV- первой половины VI в. в «Getica» Иордана. В: Д. А. Мачинский (ред.). *Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской*. СПб: Нестор-История, 26-72.
- Медведев А. М. 1996. *Белорусское Понеманье в раннем железном веке*. Минск: ИИ АН Беларуси.
- Мельникова Е. А. 1998. Варяги, варанги, вэринги: скандинавы на Руси и в Византии. *Византийский временник*, т. 55 (80), ч.2, Москва: Наука, 159 – 164.
- Мельникова Е. А. 2001. *Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации*. Москва: Восточная литература РАН.
- Мельникова Е. А. 2005. Олгъ / Ольгъ / Олег <Helgi> Вещий: К истории имени и прозвища первого русского князя. В: *Ad fontem – У источника. Сб. ст. в честь С.М.Каутанова*. Москва, 138–146.
- Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. 2011. Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.). В: Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. (ред.). *Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия: избранные труды*. Москва: РФСОН, 133-152.
- Минасян Р. С. 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья. АСГЭ 21, 68-74.

- Митрофанов А. Г. 1978. *Железный век средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э.— VIII в. н. э.)*. Минск: Наука и техника.
- Михайлов К. А. 1996. Южноскандинавские черты в погребальном обряде Плакунского могильника. *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып 10*, 52-58.
- Михайлов К. А. 2002. Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии). В: А. Н. Кирпичников (отв. ред.). *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. СПб: ИИМК РАН, 63-68.
- Михайлов К. А. 2003. Курганные могильники Старой Ладоги. В: Короткевич Б. С. (ред.). *Старая Ладога. Древняя столица Руси: каталог выставки*. СПб: ИГЭ, 153-158.
- Молчанова А. А. 2007. *Балтийские славяне и Северо-Западная Русь в раннем средневековье*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва: МПГУ.
- Мурашева В. В. 2009. «Путь из ободрит в греки» (археологический комментарий по «варяжскому вопросу»). *Российская история 4*: 174-180.
- Назаренко А. В. 1996. Происхождение древнерусского денежно-весового счета. В: Новосельцев А. П. (отв. ред.), *Древнейшие государства Восточной Европы. 1994*. Москва: Археографический центр, 5-79.
- Назаренко А. В. 1998. О языке восточноевропейских варягов IX-X вв. [*Rōf – (?) – Русь – Ρωζ - Ruzzi]. В: Мельникова Е. А. (отв. ред.). *Восточная Европа в древности и средневековье. X Чтения к 80-летию член.-кор. АН СССР В. Т. Папуто*. Москва: ИРИ РАН, 75-79.
- Назаренко А. В. 2008. Братское совладение, отчина, сеньорат (династический строй Рюриковичей X-XII вв.: в сравнительно-историческом аспекте). В: Бибиков М. В., Мельникова Е. А., Назаров В. Д. (отв. ред.). *Древнейшие государства Восточной Европы. 2005*. Москва: Индрик, 132-179.
- Назаренко А. В. 2009. *Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования)*. Москва: РФСОН.
- Напольских В. В. 2001. «Угро-самодийцы» в Восточной Европе. *Археология, этнография и антропология Евразии 1(5)*: 113-126.
- Напольских В. В. 2006. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н. э. *Славяноведение (2)*: 3-19.
- Напольских В. В. 2007. К реконструкции лингвистической карты Центра Европейской России в раннем железном веке. *Арт (4)*: 88-127.
- Николаев С. Л. 2012. Семь ответов на варяжский вопрос. В: Повесть временных лет / Пер. с древнерусского Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. Коммент. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского и Л. В. Войтовича. Ил. М. М. Мечева. СПб.: Вита Нова, 398-430.
- Новикова Г. Л. 1991. Скандинавские амулеты из Гнёздова. В: Авдусин Д. А. (отв. ред.). *Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города)*. Москва: МГУ, 175-199.
- Носов Е. Н. 1997. У истоков Новгорода. В: В. В. Седов (отв. ред.). *Славянский средневековый город. Т. 2*. Москва: ИА РАН, 272-285.
- Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Носов Е. Н., Розанова Л. С. 1989. Технология обработки железа на поселениях Приильменья в IX-X вв. *КСИА 198*, 102-16.
- Носов Е. Н., Хвощинская Н. В. 2007. Связи населения центрального Приильменья с Западной Финляндией и Эстонией в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX-X вв. В: Носов Е. Н. (отв. ред.). *Северная Русь и народы Балтики*. СПб.: Дмитрий Буланин, 6-17.

- Откупщиков Ю. В. 1988. *Догреческий субстрат: у истоков европейской цивилизации*. Ленинград: ЛГУ.
- Откупщиков Ю. В. 2006. Об этимологии гидронима *Ловать*. В: Казанский Н. Н. (отв. ред.). *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. X. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. СПб: Наука, 215-219.
- Первольф И. В. 1877. Варяги-Русь и Балтийские Славяне. *Журнал Министерства Народного Просвещения*, июль, 37-97.
- Петрухин В. Я. 2011. «Русь и вси языци». *Аспекты исторических взаимосвязей: историко-археологические очерки*. Москва: Языки славянских культур.
- Петрухин В. Я., Каменецкая Е. В. 2008. Пруссия и Русь: средневековый миф и новейшая историография. *Славяноведение* 5: 77-83.
- Плохов А. В. 2002. Керамика «ладожского типа» в Скандинавии. Янин В. Л. (отв. ред.). В: *У истоков Новгородской земли*. Любытино: БуТ, 144-159.
- Потин В. М. 1968. Древняя Русь и европейские государства в X-XIII вв. (историко-нумизматический очерк). Ленинград: Советский художник.
- Приймак В. В. 2001-2002. Некоторые дискуссионные вопросы изучения волынцевских памятников междуречья Средней Десны и Средней Ворсклы. *Stratum plus* 5, 438-447.
- Рабинович Р. А. 2001—2002. От ултинзуров к улицам, или Предыстория одного летописного племени. *Stratum plus* (5), 282—299.
- Рабинович Р. А. 2011. «Поганые толковины». О происхождении тиверцев. *Stratum plus* 5, 89—106.
- Романчук А. А. 2010. Deep history этнонима фракийцы. *Stratum plus* 2010, 3: 131-136.
- Романчук А. А. 2012. Российский Археологический Ежегодник: новая «площадка для дискуссий» в российской археологии. *Stratum plus* 2012 (4) 341-352.
- Романчук А. А. 2013. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны. *Stratum plus* 2013 (5), 283-299.
- Романчук А. А., Цвигун Ю. О. 2013. Савроматы и савиры: к возможности уточнения вопроса об этнической природе. *Stratum plus* 2013 (3), 293-320.
- Роспанд С. 1965. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена). *Вопросы языкознания* 3, 3-21.
- Руссов С. 1824. Варяжские законы с русским переводом и краткими замечаниями. Санкт-Петербург: Типография Медицинского департамента Министерства Внутренних Дел.
- Рыбина Е. А. 1997. Новгород в системе балтийских связей. В: Седов В. В. (отв. ред.). *Славянский средневековый город*. Т. 2. Москва: ИА РАН, 326-333.
- Рыдзевская Е. А. 1978. Древняя Русь и Скандинавия в IX-XIV вв. Москва: Наука.
- Рябинин Е. А., Дубашинский А. В. 2002. Любшанское городище в Нижнем Поволховье (предварительное сообщение). В: Кирпичников А. Н. (отв. ред.). *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. СПб: ИИМК РАН, 196-203.
- Рябцева С. С. 2005-2009. Подунайские элементы в ювелирном уборе населения Восточной Европы в VII-XI вв. *Stratum plus* 5, 357-380.
- Санкина С. Л. 1998. О скандинавском присутствии на Русском Севере: могильник Куреваниха-2 (к историографии норманской проблемы в антропологии). *Археологические вести* 5, 233-239.
- Санкина С. Л. 2000. *Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

- Сванидзе А. А. 2011. Конкубинат в мире исландской саги. В: Гвоздецкая Ю. Н., Коновалова И. Г., Мельникова Е. А., Подосинов А. С. (ред.), *Висы дружбы (сборник статей в честь Т. Н. Джаксон)*. Москва: РФСОН, 391-398.
- Седов В. В. 1978. Лепная керамика Изборского городища. *КСИА* 155, 63-67.
- Седов В. В. 1995. Славяне в раннем средневековье. Москва: Наука.
- Седов В. В. 2000. Голядь. В: Kazakevičius V. (ats. red.). *Iš baltų kultūros istorijos: skiriama Adolfo Tautavičiaus 75-mečiui* ЛП; КРС. Vilnius: Diemedis, 75—84.
- Седов В. В. 2002. *Славяне: историко-археологическое исследование*. Москва: Языки славянских культур.
- Сениченкова Т. Б. 2012. Заметки о ладожских древностях-2. *Stratum plus* 5, 33-42.
- Смирнова Г. П. 1974. О трех группах новгородской керамики X – начала XI в. *КСИА* 139, 17-22.
- Спиргис Р. 2009. Овальные фибулы ливов. В: Назарова Е. Л. (отв. ред.). *Балтия в контексте Северного пространства. От Средневековья до 40-х годов XX века*. Москва: ИВИ РАН, 11-50.
- Стальсберг А. 1987. Женские вещи скандинавского происхождения на территории Древней Руси. В: Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 16. Секция V. Москва: Наука, 73-79.
- Стальсберг А. 1998. О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси. В: Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина). Москва: Памятники исторической мысли, 277-287
- Станг Х. 1999. Наименование Руси (герульская версия). Тезисы. *Stratum plus* 5: 119-147.
- Тодд М. 2006. *Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура*. Москва: Центрполиграф. URL: <http://www.admw.ru/books/Drevnie-germantsy--Byt--religiya--kultura/>
Дата обращения: 28.09.2013.
- Толстой Н. И. 1983. Этюды по семантике славянских географических терминов (*дрезга, рудина, раменье*). В: Смирнов Л. Н. (отв. ред.). *Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии*. Москва: Наука, 112-132.
- Топоров В. Н. 1988. Славяне и балты (VI-IX вв.). В: Литаврин Г. Г. (отв. ред.). *Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития эпохи феодализма*. Москва: АН СССР, 8-11.
- Топоров В. Н. 2006. Прусский язык. В: Топоров В. Н., Завьялова М. В., Кибрик А. А. (отв. ред.). *Языки мира: Балтийские языки*. Москва: Academia, 50-93.
- Трубачев О. Н. 1963. О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков. В: Калнынь Л. Э. (отв. ред.). *Сербо-Лужицкий лингвистический сборник*. Москва: АН СССР, 154-172.
- Трубачев О. Н. 2003. Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования. Москва: Наука.
- Трубачев О. Н. 2005. Заметки по этимологии и ономастике (на материале балто-германских отношений). В: Трубачев О. Н. *Труды по этимологии: Слово. История. Культура*. Т. 2. Москва: Языки славянской культуры, с. 11-19.
- Трубачев О. Н. 2005а. *В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси*. Москва: Наука.
- Успенский Ф. Б. 2001. Варяжское имя в русском языковом обиходе (к этимологии слова «олух»). *Древнейшие государства Восточной Европы*. 1999. Москва: Восточная литература РАН, 263-280.
- Ушинская В. А. 1989. Роль культуры штрихованной керамики в этногенезе балтов. В: Герд А.С., Лебедев Г. С. (отв. ред.). *Славяне. Этногенез и этническая история*. Ленинград: ЛГУ, 62-67.
- Фасмер М. 1986. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1. Москва: Прогресс.

- Фомин В. В. 2005. *Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу*. Москва: Русская панорама.
- Фомин В. В. 2009. Южнобалтийские варяги в Восточной Европе. *Труды ГЭ* 49: 107-125.
- Фомин В. В. 2010. Ломоносовофобия российских норманистов. В: Фомин В. В. (отв. ред.). *Варяго-Русский вопрос в историографии*. Москва: Русская панорама, 203-521.
- Фомин В. В. 2010а. Клейн как диагноз или «голый конунг» норманнизма. URL: <https://app.box.com/shared/dxgfruk5d5> Дата обращения: 10.10.2013.
- Хабургаев Г. А. 1979. *Этнонимия «Повести Временных лет»*. Москва: Изд. Моск. Ун-та.
- Херрман Й. 1986. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона. В: Мельникова Е. А. (ред.). *Славяне и скандинавы*. Москва: Прогресс, 8-128.
- Херрман Й. 1986а. Ободриты, лютичи, руяне. В: Мельникова Е. А. (ред.). *Славяне и скандинавы*. Москва: Прогресс, 338-359.
- Шилов А. Л. 1999. Есть ли скандинавская топонимия в Карелии? (о топонимических свидетельствах в решении этноисторических проблем). *Вопросы языкознания* 3, 109-118.
- Шувалов П. В. 2004. *Pelles sappherinae* и восточный путь. К вопросу о политической истории Балто-Скандии в V-VI вв. В: Д. А. Мачинский (ред.). *Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской*. СПб: Нестор-История, 73-108.
- Шустер-Шевц Х. 1976. Язык лужицких сербов и его место в семье славянских языков. *Вопросы языкознания* 6, 70-86.
- Шустер-Шевц Х. 1998. К вопросу о так называемых праславянских архаизмах в древненовгородском диалекте русского языка. *Вопросы языкознания* 6, 3-10.
- Щукин М. Б. 1994. *На рубеже эр*. СПб.: Фарн.
- Щукин М. Б. 2004. *Готский путь (готы, Рим и Черняховская культура)*. СПб: СПбГУ.
- Янин В. Л. 2008. *Очерки истории средневекового Новгорода*. Москва: Языки славянских культур.
- Янин В. Л., Алешковский М. Х. 1971. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). *История СССР* 2, 32-61.
- Янссон И. 2001. К вопросу о полиэтничных обществах эпохи викингов. В: *Древнейшие государства Восточной Европы. 1999*. Москва: Восточная литература РАН, 116-126.
- EVS: Eesti-vene sõnaraamat. <http://www.eki.ee/cgi-bin/raun.cgi?sona=roots>
- Flegr J. 2002. Was Lysenko [partly] Right? Michurinist Biology in the View of Modern Plant Physiology and Genetics. *Rivista di Biologia / Biology Forum* 95 (2): 259-272.
- Raun A. 1982. *Eesti keele etimoloogiline teatmik*. Maarjamaa. <http://www.eki.ee/dict/raun/>
- Shore T. W. 1906. *Origin of the Anglo-Saxon race: a study of the settlement of England and the tribal origin of the Old English people*. London.